

**В следующей жизни
роман**

Ольга Матвеева

Ольга Матвеева

В следующей жизни

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Матвеева О. А.

В следующей жизни / О. А. Матвеева — «ЛитРес: Самиздат»,
2016

Молодой красавчик Алеша умирает от неизлечимой болезни и оказывается в Царствии небесном. Он живет на тропическом острове, все его материальные желания сбываются: у него несколько дворцов, целый парк дорогих гоночных машин. Алеше кажется, что он попал в рай. Однако, вскоре рай оборачивается адом: он один на острове. От полнейшего одиночества Алеша начинает сходить с ума. Ему хочется умереть, но ведь он уже умер, а самоубийство в том мире, куда он попал, невозможно. Чтобы продолжить цепочку своих перерождений, Алеше придется придумать, как выбраться со своего «райского» острова.

© Матвеева О. А., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

В следующей жизни.

Стамбул. Такси.

Ночной Стамбул похож на футуристические фантазии кинематографистов. Особенно когда смотришь на него без очков. Забыла, как обычно. Так бывает, когда носишь очки лишь от случая к случаю. Хаотическое нагромождение огней, парящее, будто бы в пустоте. На самом деле – на холмах. Она знала. Она видела эти холмы при свете дня. Несколько лет назад. Тоже не вполне отчетливо, потому что тогда тоже забыла очки. Но все же, холмы она видела. И знала теперь, что огни вовсе не парят. Они прочно стоят на ногах, если так можно сказать об огнях. Огни – это уличные фонари, которые крепятся на столбах. А столбы накрепко врыты в землю. Огни – это свет в окнах домов. У домов есть фундаменты, надежно вросшие в землю. Это, в некотором роде, корни. Да – эти огни не парят. Это она, Алина, парит. От города к городу. От страны к стране. Поскольку ее ничто нигде не держит.

Такси медленно продирается сквозь пробки. Радио поет турецкие песни. Таксист подпевает. Алине хочется попросить их заткнуться. Обоих. И радио, и таксиста. Но ей неловко. Да и не понятно, на каком языке к нему обращаться: он не знает русского, она не знает турецкого. И они оба не знают английского. Алине даже нравится собственное незнание английского. Приходится, конечно, терпеть некоторые неудобства вроде этого вот хорового пения, но зато ее международная немота оборачивается занятыми бытовыми приключениями, описания которых на русском языке Алину и кормят. Иногда ей кажется, что ей просто невероятно повезло: больше всего на свете ей нравится путешествовать и писать рассказы о путешествиях, и вот она путешествует и пишет рассказы о путешествиях, и за это ей еще и деньги платят. Многие ей завидуют. Да она и сама себе иногда завидует. Только вот...

Только вот в этот день в такси, медленно продиравшемся сквозь пробки из аэропорта в дешевый, маленький отель в районе Таксим, под протяжные турецкие песни, Алина не чувствовала себя ни везучей, ни тем более счастливой. В голове у нее кружилась чужая фраза, являющаяся национальным культурным кодом. Она настолько затащена, что стала банальностью. Но она справедлива. Именно поэтому она и стала культурным кодом. Алина размышляла об охоте к перемене мест. Она думала о том, что путешествия будто бы стали ее жизнью. Но на самом деле путешествия заменили ей жизнь. Она бежит от себя. Хотя это невозможно. Она знает это. Вот и сейчас она сама себя догнала. По щекам поползли приторные слезы жалости к себе. Ее никто нигде не ждет. Никто не ждет в месте, которое она считает своим домом. Никто не ждет в маленьком отеле в районе Таксим.

Такси останавливается. Таксист что-то говорит на своем непонятном турецком. Похоже, приехали. Алина открывает свой рюкзак, находит кошелек, отсчитывает лиры, передает их таксисту и в этот миг... Она никогда не сможет это описать словами. Очевидно, именно это называют ясновидением. Она вдруг увидела... Увидела, но не глазами. Она никогда не сможет сказать, чем она это увидела. Но она увидела единственного человека, которого она любила. Он лежал на больничной койке. Бледный. И не живой. Алина застыла с лирами в руке. Таксист что-то говорит. Она очнулась. На секунду зажмурилась. Открыла глаза. Потрясла головой, отгоняя видение. Такси, таксист, Таксим... Стамбул. Да. Нет, этого не может быть! Просто не может быть. Это глупая фантазия. Ничего больше. Алина отдает деньги таксисту, хватая свой рюкзак и неловко выскальзывает в шумную стамбульскую ночь. Навстречу приключениям. Они обязательно будут. Ведь именно они составляют смысл ее жизни. Другого нет. Она искала... Как многие. Но...

В пустоте.

Слово «пустота», в общем-то, ничего для него не значило. Он иногда говорил, как и все: пустой звук, пустота в душе, природа не терпит пустоты и прочую ерунду в том же духе, не

задумываясь над смыслом этих выражений. Однажды одна из его подружек как-то слишком уныло, протяжно и долго стенала по поводу пустоты их отношений. А ему хотелось побыстрее закончить этот бессмысленный, тягостный разговор. Он не любил выяснять отношения. Как и любой нормальный мужик. Да и подружка ему на тот момент порядком уже надоела и даже без этих бесед о пустоте отношений была ему не интересна. А уж с ними то... совсем не выносима. Он тогда сказал ей: «Что такое пустота? Это отсутствие чего бы то ни было во времени и пространстве. В том числе и разговоров. Если разговор есть, значит, это уже не пустота. Поэтому слова твои, как минимум, нелогичны». Она тогда заявила, что он слишком жесток. И расплакалась. Через месяц он сбежал от той своей подружки. Но жестоким себя при этом, конечно, не чувствовал. Просто в их отношениях, действительно, наступила пустота. Хотя, правильнее было бы назвать это безразличием. С его стороны. Она-то долго потом страдала. Тогда он дал определение пустоты, и тут же о нем забыл. Расплывчатое определение. Да и были ли у него поводы всерьез задуматься о пустоте? Не было. Потому что пустота – химера. Ее не бывает. Время и пространство вечно чем-то заполнены. Собственно, и время, и пространство тоже не укладываются в понятие пустоты.

Алеша открыл глаза и понял, что он находится в пустоте. Он понял, что если пустота существует, то это она и есть. Не было у нее ни цвета, ни запаха. И звуков в ней не было. Темнота. Был только он, Алеша. Хотя, если он есть, значит, это уже не пустота. А он есть? Или его нет? Зачем он об этом думает? И все же... Алеша пошевелил руками. Кажется, они есть. Нащупал руками ноги... На месте. Значит, наверное, Алеша, все же есть. Существует. Он лежит. А на чем он лежит? Ни на чем. Разве так бывает? Что происходит? Лежать можно на траве, на песке, на кровати. Да, в последние дни он только и делал, что лежал на кровати. То есть на койке. На больничной койке. Алеша представил эту белую железную койку. Скрипучую и шаткую. В тот же миг под ним возникла какая-то основа. Скрипучая и шаткая. Наверное, это та самая койка, догадался Алеша. Вот бы света еще немного в эту пустоту, подумал Алеша и вообразил почему-то лампочку, висящую на черном проводе. Он даже не удивился, когда над его головой зажглась тусклая лампочка. Точно такая же, как в его фантазии.

Алеша осмотрелся. Да, он лежит на той самой больничной койке. А сама койка висит в пустоте. Или в темноте. Опять эта путаница в понятиях. Алеша вдруг понял, что его родной язык слишком беден. Или слишком абстрактен. Невозможно описать то, что он видит вокруг привычными словами. О чем он думает? О каких-то глупостях. О словах, от которых сейчас никакого проку. Ему нужно думать сейчас о том, где он, и как выбраться из этого странного места. Если это пространство вообще можно назвать местом.

А если попробовать встать? Можно ли стоять в пустоте? Лежал же он в ней как-то. Алеша встал. Но когда он спускал ноги с постели, не удержался и вообразил пол. Светлый такой паркет, как в спальне у одной из его любовниц. Почему-то вспомнился именно он. И тут же пространство под кроватью начало заполняться светлыми паркетными досками. От кровати и дальше, дальше, до бесконечности. Бесконечность. Все вроде бы знают, что это такое. А кто-нибудь может себе представить эту самую бесконечность? Алеша ее увидел. Величественное зрелище. И пугающее.

Таким образом постоять в пустоте Алеше не удалось. Он встал на пол. Самый настоящий твердый пол. Правда, Алеша догадывался, что под этим бесконечным полом все та же пустота. И над головой пустота. А что будет, если вообразить небо? Голубое. Пустота над Алешиной головой окрасилась в голубой цвет. Чего-то не хватает. Солнца. Тут же над паркетом взошло солнце.

Алеша осмотрел пейзаж. Забавно. Бескрайний паркет, над ним пронзительно-голубое небо и слепящее солнце, а в центре композиции облезлая больничная койка. Ничего нелепее Алеша в жизни своей не видел. Он расхохотался. Присел на койку.

Что же все-таки происходит? Он что, стал Господом Богом? Это сейчас был акт творения? Какой-то странный мир он создал. Очень странный. А, может, это всего лишь сон? Да, конечно! Это просто сон! Или не сон? Так! Надо хотя бы кровать поменять! Что это за убожество! Алеша вообразил роскошную деревянную кровать с резными колоннами и балдахином из красного бархата. Такие, наверное, стояли в старинных замках, где жили рыцари. Алеша в детстве мечтал быть рыцарем. Больничная койка исчезла. Ее место заняла кровать с балдахином.

– Да что же такое происходит? – спросил Алеша вслух не известно у кого.

– Ничего особенно, просто вы умерли. – Неожиданно услышал он ответ.

Стамбул. Кафе на берегу Босфора.

Города, как люди – большинство тебе незнакомы, многие оставляют тебя равнодушными, с некоторыми ты дружишь, и лишь в единицы ты влюблен. Этот город я люблю. У меня с ним настоящий роман. Правда, с редкими встречами и долгой разлукой. Когда разлука становится совсем невыносимой, я покупаю билет и лечу на свидание с этим городом. А он плохой парень. Ветреный, непостоянный, вечно влюбленный в кого-то другого. Он меня совсем не ждет. Но когда я, все же, приезжаю, он великодушно делает вид, что я ему дорога. Лукавый соблазнитель! Он приветствует меня светом своих огней. Я могу даже вообразить, что это фейерверк в мою честь. Он сводит меня с ума своей пестротой. Искушает весельем, чуждым мне. Дурманит запахами еды. Восхищает. Восхищает! Мой прекрасный возлюбленный! Ты никогда не будешь мне верен, но ты никогда не изменишь мне. Иногда мне кажется, что я хочу с тобой жить. То есть жить в тебе. Только смогу ли я любить тебя, когда ты станешь обыденностью? Города похожи на людей. Они тоже могут надоесть, если быть с ними слишком долго. Или слишком хорошо их узнать. Не важно. Сейчас я наслаждаюсь коротким свиданием с городом, который вдохновляет меня жить.

Алина захлопнула компьютер. О чем она пишет? Зачем она это пишет? Для кого она это пишет? Что значит, для кого? У нее тысячи читателей в интернете. Вот для них она и пишет эти короткие рассказы. Путевые заметки. Они достаточно милы. Часто интересны. Людям нравится. Но сама-то она хочет написать что-то другое. Совсем другое. Такое, от чего сердце может сжаться, да так и не разжаться. От чего может перехватить дыхание. Что-то такое, над чем можно лить слезы отчаянья и слезы счастья. И мечтать, мечтать о несбыточном! О том, чего никогда не будет, но хочется, чтобы было. Было!

Алина сидит в уличном кафе на берегу Босфора. Она закутана в плед. На голове – нелепая шапочка. Совсем не жарко в Стамбуле зимой. Она ест курицу. Она пьет пиво. Она оглушена смехом и голосами – в кафе много посетителей. Над чем они смеются? О чем они говорят? Она не понимает. Она не знает. И нужно ли ей это знать? Ей уже кажется странным, что где-то далеко, за морем много-много людей говорят по-русски. Здесь, в этом кафе на берегу Босфора она одна такая – уникальная женщина, которая умеет говорить по-русски. Только вот не с кем. Она будто бы нема сейчас. Будто у нее нет языка. Но ведь он есть. Сейчас он на кончиках ее пальцев. Ей так много хочется сказать. Она притягивает к себе компьютер.

Мне так много хочется сказать тебе. Но я знаю, что тебе это не интересно. Давным-давно не интересно. У тебя давно своя жизнь, отдельная от моей. Мы параллельны. Мы не пересечемся никогда. Я знаю это. Даже если мы будем идти по одной и той же улице в одно и то же время, и кто-то там наверху подстроит нашу встречу, мы не пересечемся. Ты скажешь: «Привет!». Я скажу: «Привет!». Может быть, ты улыбнешься. Может быть, я улыбнусь. Может, ты скажешь: «Ты изменилась, похорошела» или «ты совсем не изменилась». Но скорее всего, мы оба сделаем вид, что не заметили друг друга. И зачем кому-то там наверху нужно было так стараться, чтобы подстроит эту встречу? Мы сделаем вид,

что не заметили друг друга и разойдемся снова по своим параллельным вселенным. Я не знаю, что сложнее, любить безответно самому или, когда тебя любят безответно. Да, что тебе делать с моею любовью, если она тебе не нужна? Это тяжкая ноша. Это ответственность. К счастью, ты о ней не знаешь. Я никогда тебе в этом не признаюсь. Я такая лицемерка! За эти годы я научилась притворяться, что у меня все хорошо. Даже себя почти убедила, что никого не люблю. Никого-никого. И поэтому свободна. Но почему же сейчас я сижу на берегу Босфора и чувствую себя не свободной, а беспредельно одинокой? Но почему же сейчас я сижу на берегу Босфора и вместо того, чтобы наслаждаться едой, пивом, видом пролива и огнями, я думаю о тебе? Пару часов назад мне показалось, что ты умер. Но ты ведь жив?

Он мертв. Кажется, это был чей-то голос у нее в голове. Алина не то что бы услышала этот голос, она его поняла. Нужно позвонить! Нужно убедиться, что это неправда. Это же не может быть правдой! Он ведь такой молодой! С чего бы ему вдруг умирать? Позвонить? Что сказать? Есть ли у нее право звонить ему? Алина сидит и смотрит на телефон. Это же так просто – взять и позвонить. Почему же она не может решиться? Она заказывает еще бокал пива. Выпивает половину большими глотками. Для храбрости. Решительно берет телефон. Набирает номер, который до сих пор помнит наизусть. Гудки. Алло. Голос женский. Печальный.

- Здравствуйте, можно услышать Алексея?
- Вряд ли это возможно.
- Почему?
- Он умер.

Царствие небесное.

Алеша обернулся. Посреди бескрайнего паркета стоит молодой мужчина. Высокий, загорелый, с длинными темными волосами. В джинсах и простой белой майке. Красивый. Алеша не был ценителем мужской красоты. Но незнакомец вызывающе хорош. Может быть, это ангел? Кто бы мог подумать, что ангелы выглядят именно так.

- Вы кто? – спросил Алеша мужчину.
- Меня зовут Борис. – Незнакомец вежливо улыбнулся и протянул Алеше руку. Алеша пожал протянутую ему руку и отметил, что рука у этого Бориса теплая. Обыкновенная человеческая рука. Разве что кожа слишком мягкая да гладкая для мужика. Может, гей?
- Очень приятно, Алексей.
- Я знаю. Как вам у нас? Нравится?
- У вас это где?
- Живые люди называют это место загробным миром.
- И где же я, в раю или в аду?
- А это только вам решать. – Борис усмехнулся.

Алеша вдруг почувствовал усталость. Представил себе мягкое кожаное кресло. Оно тут же появилось рядом с Алешей. Он сел. Вытянул ноги. Закрыв глаза. Потер лоб. Когда открыл глаза, Борис тоже сидел в кресле и пил красное вино из огромного, пузатого бокала.

- Хотите? – спросил Борис у Алеши и указал глазами на бокал.
- Пожалуй.
- Действуйте!
- Что я должен сделать?
- Вы знаете. Просто вообразить. Смелее.

В руках у Алеши появился бокал, наполненный жидкостью рубинового цвета. Алеша отпил глоток и тут же выплюнул.

- Ну и гадость!

– Да, чтобы сотворить приличное вино, нужны годы тренировок. – Борис рассмеялся. – Давайте лучше я. Какое вино предпочитаете?

– Доверюсь вашему вкусу. – Алеша улыбнулся. – Вы думаете, мне сейчас есть какое-то дело до предпочтений в вине? Я же умер.

– Ничего страшного. Со всеми это случается. – Бокал Алеши опустел и снова наполнился. – Пробуйте.

Алеша послушно отпил вина.

– Да, совсем другое дело. Отличное вино. При жизни я такого не пил. Это, наверное, дорогое вино. А я так и не успел разбогатеть. – Алеша задумался. – Я в самом деле умер? – Борис кивнул. – Почему я должен вам верить? Я же дышу, разговариваю, пью вот. Не похож я на мертвеца! Что там после смерти бывает? Душа покидает тело? Но мое-то тело на месте. – Перед Алешей повисло зеркало в золоченой раме. Он внимательно посмотрел на свое отражение. – Ну, бледен, ну, вид болезненный, ну тощий! Но это мое тело! Живое! Не разлагается! Целенькое! Так с чего вы взяли, что я умер? И кто вы вообще такой?

– Алексей, успокойтесь. Сначала отвечу на второй ваш вопрос. Как я уже сказал, зовут меня Борис. В прошлой своей жизни носил фамилию Арсентьев и был серфером. Главная страсть моей жизни меня и убила. Да, страсти губительны, могу это подтвердить со всей ответственностью. – Борис улыбнулся мечтательно. – Хорошая была волна. Прекрасная! Эта волна – последнее воспоминание о моем земном существовании. Ну, вы поняли, я утонул. А в этой своей жизни я сотрудник министерства адаптации вновь прибывших Небесной канцелярии. Скромный клерк. Я ваш куратор. Буду вас опекать некоторое время. Теперь отвечу на ваш первый вопрос. Я точно знаю, что вы умерли. И могу вам это доказать. Вот, смотрите.

Солнце померкло. Станный мир, состоящий из неба, паркета и нескольких предметов мебели, погрузился во тьму. Но не кромешную. Лампочка, висящая на черном шнуре, освещала небольшой кусок бесконечности. Перед Алешей и Борисом прямо в воздухе возникло изображение мрачного помещения, заставленного каталками, похожего на морг. На одной из каталок Алеша увидел себя. Откровенно и безоговорочно мертвого. С биркой на ноге.

– Завтра ваше тело заберут из морга. Послезавтра похороны, – произнес Борис тихим голосом, в котором Алеше послышалась подлинная скорбь. – Если захотите, можете посмотреть. Можете даже поприсутствовать лично, но инкогнито, разумеется. То есть незримо. А то распугаете всех. Быть привидением, конечно, забавно, но нужно же хоть немного заботиться о живых. Они такие ранимые. Я на свои похороны не смотрел. Потом пожалел, потому что мог бы узнать, кто как ко мне относился при жизни. Потом узнал, как можно это выяснить и без просмотра собственных похорон. А потом понял, что не нужно мне это. Та жизнь закончилась. Началась другая. Вот и у вас та жизнь закончилась. Началась новая. Добро пожаловать в Царствие небесное!

Алеша Бориса не слушал. Он все смотрел на изображение, распластанное в воздухе. На себя мертвого. Его мозг не мог осмыслить происходящее: как же так? Там он лежит совершенно мертвый, а здесь сидит абсолютно живой. Там лежит его тело. Здесь сидит его тело. Нет, здесь сидит не тело, здесь сидит человек, которого зовут Алеша. А кто тогда лежит там? Или это уже даже не кто, а всего лишь что? Труп. Его собственный труп.

– Вы пейте, Алексей, пейте! Истина в вине. Может, у вас и получится понять, что происходит. – Голос Бориса ласковый. Будто он не со взрослым мужчиной говорит, а с младенцем. Алеша очнулся. Залпом осушил бокал. Он снова наполнился. Изображение исчезло. – Да, вы умерли, но вы не умерли. Потому что смерти нет. Но знают об этом только те, кто прошел через смерть. Потому что для тех, кто живет на земле – это страшная тайна. Они могут сколько угодно фантазировать о том, что бывает после. Но наверняка не знает никто. Ни один живой человек. А после бывает переход. Человек переходит из одного своего состояния в другое. Из одного мира в другой. И смерть, это вовсе не смерть. Понимаете, переход.

– Я устал, – говорит Алеша тихо. – Я очень устал. – Делает несколько глотков вина. В вашем Царствии небесном можно поспать человеку? Или здесь так не принято.

– Конечно можно! – восклицает Борис бодро. – Сейчас я все устрою. Сотворю вам дом с холодильником, полным еды, со спальней, с ванной и с унитазом.

– И чем этот мир отличается от того, что я покинул? Мне и здесь придется также, как и там есть, пить, срать? Пардон. Стоило ради этого умирать? – Алеша рассмеялся.

– Вы все узнаете, но позже, а сейчас вам и в самом деле нужно отдохнуть. Неважно выглядите.

– Было бы удивительно, если бы труп имел цветущий вид.

– Ну-ну, какой же вы труп? Секундочку. – Алеша и Борис в то же мгновение оказались в комнате, похожей на гостиничный номер. – Вот, пожалуйста, это ваша спальня на сегодняшнюю ночь. Завтра придумаете дом по собственному вкусу. У меня не слишком богатая фантазия, извините. Но здесь комфортно. Матрац удобный. Я вас покидаю. Загляну к вам завтра. Сладких снов.

– Спокойной ночи. – Буркнул Алеша.

Борис исчез. А Алеша прямо в одежде рухнул на кровать и заснул. Тяжелый был день. День его смерти.

Стамбул. Кафе на берегу Босфора.

«А могла бы и не звонить! – это была первая мысль. – Тогда бы не узнала об этом кошмаре! Я ведь не видела его несколько лет! Но знала, что где-то он есть! А теперь его нет! Совсем нет! А если бы не позвонила, продолжала бы думать, что он есть! Дура!».

«Боже мой! Я ведь даже не узнаю, где его могила!» – вторая мысль.

«Я никогда больше его не увижу! Никогда!» – третья.

«Зачем мне жить дальше?» – четвертая.

Слезы. Она закрывает лицо руками, а слезы темными ручьями ползут из-под ладоней. Их не удержать. Глубокий вдох. Выдох. Глубокий вдох. Выдох. Нет, не удержать. Салфетки. Салфетки. Не спасают. Вот и плечи уже трясутся. И хочется завывать. Вой останавливают сжатые зубы. Как же отсюда выбраться? Из этого прекрасного кафе на берегу прекрасного Босфора? В угол. В темноту. Где никого нет. И там уже выть, выть, выть! Или утопиться? Смерть – это же выход! Выход! Только она может спасти от этой боли. Только она. Ведь после смерти ничего нет. Ничего. Пустота. Значит, боли тоже нет.

Она убирает руки от лица. Смотрит на пролив. Его огни размыты слезами. И в самом деле? Может, туда? Остаться навсегда с любимым городом, раз с любимым мужчиной не получилось? Нужно уходить отсюда. Нужно в отель. Это неприлично реветь вот так – на глазах у десятков незнакомых людей.

– Помогать? – мужской голос. Сильный акцент. Алина отводит взгляд от залива: перед ней стоит мужчина. Похоже, турок. Хотя, кто тут еще может быть? В куртке с капюшоном. Большие зеленые глаза на смуглом лице. Молодой. Красивый. Хотя, какое это имеет значение? Он красивый, а она, Алина сейчас выглядит жалко. Хотя, какое это имеет значение? Алина отрицательно качает головой.

– Нет, спасибо, – говорит она тихо. Хватает салфетку. Шумно сморкается. Хочет взять еще салфетку, но их больше нет. Закончились. Та была последняя. Алина снова начинает рыдать. Так смешно реветь из-за отсутствия салфеток, которыми можно подтереть сопли, когда твой любимый человек умер. Что же это за животное такое – человек? Она размазывает по лицу слезы и остатки туши руками.

Незнакомец приносит несколько салфеток с соседнего стола, протягивает их Алине, садится напротив. Смотрит, как она снова сморкается, вытирает глаза. Он что-то говорит офи-

цианту. Тот приносит стакан воды. Незнакомец пододвигает стакан к Алине. Она жадно пьет. Незнакомец берет Алину за руку, заставляет ее подняться, куда-то ведет. Ей все равно. Она не думает сейчас об опасности. Ее инстинкт самосохранения раздавлен горем. Незнакомец приводит ее к двери женского туалета. Показывает жестами, что ей нужно умыться. Алина послушно заходит в туалет. Смотрит на себя в зеркало. О, Боже! На кого она похожа! Красное опухшее лицо, изуродованное гримасой страдания. Глазки из огромных всего за несколько минут успели превратиться в щелки. Но цвет глаз из серых вдруг стал небесно-голубым.

Алина открывает кран с водой. Умывает лицо. Снова смотрит на себя в зеркало. Снова ужасается. Снова начинает рыдать. Как же успокоиться? Одна в чужой стране. А он... А он умер. А она нет. Почему? Такая несправедливость. Лучше бы она. Но как выбраться из этого кафе? Как вернуться в отель? Нет сил. Ничего не хочется. Что делать? Она изо всех сил колотит кулаком по плитке цвета терракоты, которой облицованы стены туалета. Физическая боль заглушает эмоции. Костяшки пальцев разбиты до крови.

Алина неожиданно успокаивается. Сейчас нужно заплатить по счету, сесть в такси и поехать в отель. Завтра поменять билет и улететь в Россию. Она должна попасть на похороны. Она должна знать, где его могила. И ей необходимо с кем-то разделить свое горе. Здесь не с кем. А дома есть друзья. Кажется, не всех еще растеряла. Она заматывает руку бумажными полотенцами и выходит из туалета. Как же больно!

Незнакомец ждет ее. Что ему от нее надо? Неужели, просто такой добрый? И просто хочет помочь? С чего бы?

– How are you? – спрашивает он участливо.

– Хорошо, все хорошо, – отвечает она по-русски. И снова заливается слезами. Он что-то бормочет по-турецки, берет ее руку, убирает полотенца, качает головой, опять что-то бормочет. Снова обматывает кисть полотенцами.

– В отель. Мне нужно в отель. Я хочу в отель! – лепечет Алина.

– Hotel?

– Да.

– Taxi?

– Да.

Незнакомец что-то говорит официанту. Тот приносит счет. Алина неловко левой рукой пытается вытащить из рюкзака кошелек. У нее не получается. Она рыдает еще сильнее из-за собственной беспомощности. Незнакомец достает деньги из своего кармана, отдает официанту. Ведет Алину к стоянке такси. Сажает в машину. Захлопывает дверцу. Собирается уйти. Смотрит на Алину сквозь стекло: скорчившаяся жалкая фигурка плачущей женщины в темном нутре желтого автомобиля. Кто она? Откуда? Что с ней случилось? Почему она так горько плачет? Зачем разбила себе руку? Что же с ней делать? Зачем он к ней вообще подошел? Ему что, больше всех надо? Решительно открывает дверь машины и садится с ней рядом.

Царствие небесное. Сектор досудебного ожидания.

Алеша открыл глаза. Где это он? Похоже на гостиничный номер. Странно, он, вроде, никуда не уезжал. Он давно уже не покидал пределов больницы. Ах, да! Он же умер и теперь в Царствии небесном.

Алеша ощутил неприятный вкус во рту. Совсем как при жизни после употребления спиртных напитков. Алеша усмехнулся и побрел искать ванну в своем персональном отеле в загадочной стране под названием Мир иной. Наверное, неплохо быть здесь туристом – познавательно. Но он-то теперь житель этой страны. Если можно назвать жителем мертвого человека. Он вынужденный эмигрант, который ничегошеньки не знает о своем новом месте жительства. Вот, опять это – «жительство». Как беден все-таки человеческий язык. Он эмигрант, которого

будто бы опоили каким-то зельем, задохнулись в трюм корабля и насильно доставили к неизвестным берегам.

Ванная комната вся белая: стены, потолок, сантехника, коврик, занавеска, светильники. У Бориса и в самом деле не слишком богатое воображение, подумал Алеша. Умывальных принадлежностей нет. Алеша сотворил себе зубную щетку, какая была у него в больнице – другая не вспомнилась, почему-то зубной порошок, каким не пользовался с полузабытых детских времен, хозяйственное мыло. Что за сиротство? Рассмеялся и наколдовал себе другое мыло, попримечнее и попрятнее.

Умылся, почистил зубы. Внимательно посмотрел на себя в зеркало. Потер щеку. Колючая. Ухмыльнулся: кто бы мог подумать, что у покойников продолжает расти борода. Силой воображения создал себе бритву и пену для бриться. Как все это получается? Такого ведь даже в сказках не бывает. Там для сотворения чего-либо нужны какие-то специальные предметы. Волшебная палочка, например, а здесь достаточно только мыслеобраза. Чудеса! Может быть, зря все так боятся смерти? В чем подвох? Он ведь должен быть. Алеша это чувствовал.

Побрислся. Залез в ванную. Открыл краны. Из лейки на него полилась прохладная вода. Он сделал погорячее.

Когда он зашел в кухню, обернутый полотенцем, точно таким же в бело-голубую клетку, какое было у него дома, там витали запахи кофе и свежей выпечки, а у плиты суежилась какая-то женщина. Она обернулась. Это была миловидная особа лет двадцати пяти. Одета в синее платье, облегающее ее сверху и сильно расклешенное от талии. Чуть прикрывает колено. Красные лодочки на ногах. На шее нитка коралловых бус. На голове маленькая синяя шляпка. Волосы надо лбом собраны в валик. Сзади ниспадают локонами. Глаза – пронзительно голубые. Что-то в ней есть знакомое. Будто видел ее где-то на фотографии. Только та фотография была без красок. То есть черно-белая.

– Алешенька! – воскликнула она и поплыла навстречу к Алеше с раскрытыми объятьями.

– Вы кто? – спросил Алеша и отпрянул, придерживая полотенце.

– Ты что, меня не узнаешь? – Дама искренне удивилась и заметно огорчилась. Затем лицо ее просветлело. – Ах, да! Я же выглядела по-другому! Алешенька, внучек! Я твоя бабушка! Неужели ты меня не помнишь?

– Бабушка?

Он помнил ее другой. Она была старой. Она была полной. Она носила байковые халаты ярких расцветок. Волосы ее были седыми. И даже если в ней был хоть какой-то намек на красоту, Алеша его не замечал. Он видел только ее заботу, любовь и доброту. Женщина, которая надвигалась на него, намереваясь обнять, была молода, стройна, красива и сексуальна. И она была младше Алеша. Она никак не могла быть его бабушкой.

– Ах, Алешенька, да, такой ты меня не видел. Мне здесь разрешили выбрать возраст, в котором я хотела бы остаться навечно – так я и стала девушкой чуть-чуть за двадцать. Когда я была такой, твой папа был еще маленьким. Но я воссоздавала себя по фотографии. Неужели ты ее не помнишь? Она была в семейном альбоме у твоих родителей. – Дама огорчилась. Лицо ее стало печальным. – Даже платье такое же. Я специально его сегодня надела для тебя, чтобы ты меня узнал. – Она готова была расплакаться.

Алеша посмотрел на женщину внимательно. В памяти тут же всплыла обтрепанная фотография из альбома: тонкая улыбающаяся девушка в старомодном платье с нелепой прической. Еще на руках были перчатки тонкие белые. Вспомнил, как его младшая сестра, когда ей было лет четырнадцать, смотрела на эту фотографию с завистью – она считала бабушку намного красивее себя, иногда сокрушалась, что ей достались гены бабушки по материнской линии, которая особой красотой не отличалась. Алеша посмотрел на стул. На нем висели перчатки. Тонкие белые перчатки. Еще раз всмотрелся в лицо девушки. Да, это была она.

– Твоим любимым блюдом в детстве была манная каша с черничным вареньем. Но ты любил только мою кашу, ту, что готовила твоя мать, ты не ел. Говорил, что там комочки. Когда тебе исполнилось восемь лет, я подарила тебе красный велосипед. Ты в первый же день врезался на нем в забор, ободрал все коленки и сделал «восьмерку» на колесе. Веришь теперь? – спросила девушка тихо.

– Верю, – ответил Алеша и улыбнулся. – Баба Люба. Только как же тебя теперь бабой-то называть? Ты же младше меня!

– Да, и в самом деле! – баба Люба задумалась. – Наверное, называть меня бабушкой нелепо. – Она взглянула на свое отражение в стекле кухонного шкафа. Довольно улыбнулась. – Но я все-таки твоя бабушка. Поэтому... Поэтому ты можешь называть меня бабушкой, – она снова посмотрела на свое отражение и вздохнула, – а можешь, называть просто Любой. Алеша промышчал что-то неопределенное. Он еще не решил, как называть эту прекрасную юную женщину, которая приходится ему бабушкой.

– Ах, заболталась! Яичница горит! – воскликнула баба Люба и отвернулась к плите.

– Пойду оденусь, пожалуйста, – сказал Алеша, – мне все-таки не два годика, чтобы разгуливать перед бабушкой нагишом. – Он улыбнулся и вышел из кухни.

Когда он вернулся, на столе уже стояли две тарелки с яичницей, две чашки с кофе, вазочка с круассанами и конфетами.

– Тебе нужно лучше питаться, – сказала баба Люба озабоченно. – Вон худой какой и бледный. Кушай, внучек, кушай! – она принялась за еду.

Алеша вдруг понял, что страшно голоден. Вспомнил, что не ел со вчерашнего дня. То есть не ел ни разу после смерти. Усмехнулся. И принялся за еду. Яичница была вкусная. И обыкновенная. Как в земной жизни. Еще это была, определенно, бабушкина яичница – Алеша ее помнил: яйца перемешаны, мелко порубленный лук, помидоры, сыр. Получается, кулинарные пристрастия у человека не меняются и после смерти? Вкусно. Алеша на секунду почувствовал себя ребенком, которого окружают взрослые, они почему-то его любят, заботятся о нем. Впрочем, вопрос «почему?» тогда не возникал, родительская любовь казалась чем-то само собой разумеющимся. И еще у него есть ощущение, что он бессмертен. Что смерть невозможна. И тут Алеша загрустил. То, что он считал невозможным, произошло. Он мертв. Мертв, но жив. Как все странно. Одни вопросы. Кто даст ответы?

– Ээээ! – промямлил Алеша и смущенно кашлянул, – а где дедушка? Разве вы здесь не вместе?

– Не напоминай мне о нем! – воскликнула бабушка. Ее спокойное лицо исказилось гневом. – Этот подлец! – она отхлебнула кофе. – Извини, но этот подлец, твой дед, пока я там, на земле, мечтала о смерти, чтобы побыстрее с ним встретиться, он... Он тут себе другую нашел! Я-то, дурочка, думала, что он меня ждет... а он! Я умираю, ко мне приходит сотрудник министерства адаптации, я его спрашиваю, а дед-то мой где? А он и отвечает: он уже не дед, а вполне молодой мужчина, и он не ваш. Он, видите ли, проживает с совсем другой гражданкой в секторе покоя. И даже не это самое обидное, а то, что эта самая гражданка его первая любовь! Он, видите ли, на мне женился только потому, что она ему отказала! Ты представляешь! А я и не знала ничего! А та стерва, оказывается, осознала, что ошибку совершила, когда деда то нашего отшила, раскаялась и решила ошибочку свою исправить. Вот, исправляют теперь, а я! – Алеша увидел, что бабушка снова готова расплакаться.

– А что ты? – осторожно поинтересовался Алеша.

– А я проживаю теперь в секторе переоценки ценностей.

– И что это значит?

– Это значит, что Загробный мир поделен на сектора. Меня вот направили в сектор переоценки ценностей.

– А я где?

- Ты... Ты – в секторе досудебного ожидания.
- Так суд все-таки будет? Это не выдумки? – Алеша испугался.
- Будет, – подтвердила бабушка и вздохнула.
- Это страшно?

– Я не знаю, как это будет у тебя. – Бабушка снова вздохнула. – Я была всего на нескольких судах. На одном судили меня, на других, я выступала в качестве свидетеля. Сам суд... да – это страшно. Ни на одном экзамене в жизни мне так страшно не было. Собственно, сравнение с экзаменом вообще, наверное, не уместно. Но в итоге, приговор мне вынесли мягкий, то есть, в ад я не попала.

- Ад и в самом деле существует?
- Да, просто называется он по-другому – сектор искупления.
- О, Боже! – Алеша схватился за голову.
- Кстати, Бог тоже, вроде, есть, но только я его не видела и здесь. И никто из моих знакомых не видел.

- А кто тогда вершит суд?
- Судьи, точно так же, как и на Земле.
- Я ничего не понимаю. Ничего не понимаю. – Алеша начал раскачиваться из стороны в сторону.

– Алешенька, ты все поймешь. Ты привыкнешь. Как же я по тебе соскучилась! Не ожидала я, конечно, увидеть тебя так скоро, но что ж поделаешь. Все в руках божьих. – Бабушка подошла к Алеше и стала гладить его по голове.

- Хорошо, что ты пришла, – прошептал Алеша, – теперь мне не так одиноко.
- Как же я могла не прийти? Мы же семья. Ты же мой любимый внучек.

– То есть получается, что после смерти у человека остаются те же чувства, что и при жизни? А что и семьи здесь есть?

– Случается иногда, что земные семьи собираются вместе и здесь. Но это редкость. – Бабушка вздохнула. – Во-первых, шансы на то, чтобы все попали в один сектор, равны нулю. А, во-вторых, – бабушка снова вздохнула, – часто бывшие супруги в загробном-то мире не то что жить вместе не хотят, они знать друг друга не желают. Вот как мы с твоим дедом. – Она утерла слезинку. Алеша сделал вид, что ничего не заметил. – То есть бывшие мужья и жены редко остаются вместе, а вот родственные связи поддерживаются.

– Ба.. – Алеша запнулся, он так и не смог решить, как ему называть эту молодую красивую женщину, которая приходится ему родной бабушкой, – а влюбляться здесь можно? – Он, конечно, имел сейчас в виду не чувства, не до амуров ему сейчас было. Он имел в виду секс. Но не мог же он спросить об этом собственную бабушку.

– Можно, Алешенька, можно, – она кокетливо улыбнулась и коснулась своих волос. – Но это будет зависеть от того, что решит суд. Понимаешь, в этом мире у каждого свои условия проживания. Даже если они обитают в одном секторе, у них все по-разному. И то, что позволено одному, не позволено другому. И возможности у всех разные. – Бабушка вдруг погрузилась. – Судьи были ко мне снисходительны, они сказали, что если уж я любила в прошлой жизни, то они оставят мне эту способность и в новой, но я должна переосмыслить свое отношение к этому чувству. Они сказали, что любовь – это совсем не то, что мне кажется, и я должна это понять.

- Поняла? – спросил Алеша осторожно. Бабушка отрицательно покачала головой.

– Если бы поняла, меня бы уже здесь не было. Я должна научиться отпускать людей, которые мне дороги. А у меня не получается. Не получается! А когда я научусь, то смогу вернуться на землю.

- На землю можно вернуться?

Бабушка кивнула.

– Слишком много вопросов, Алешенька. Обсудишь это со своим куратором. Думаю, он сумеет в большей степени удовлетворить твое любопытство. – Она вдруг стала холодна. – Извини, мой мальчик, но мне пора идти.

– Последний вопрос. Ты же умерла, когда тебе было за семьдесят. Как ты себя чувствуешь в молодом теле? Или это правда, что душа не стареет?

– Не знаю, наверное, да. В общем, человек никогда не взрослеет и чувствует себя моложе своего биологического возраста. Помнишь, я всегда говорила: я не старая, в душе мне семнадцать? Так вот это оказалось правдой. – Она усмехнулась. – Кстати, пока у тебя не отобрали возможность творить, придумай себе какой-нибудь чудесный дом, такой, о котором ты всегда мечтал. Ну, до скорого свидания! Если захочешь посетить свои похороны, я готова тебя сопровождать. Она обняла Алешу, поцеловала в щеку и... исчезла.

Стамбул. Район Таксим.

В такси она рыдала. Он не знал, что с ней происходит, он не знал, чем ей помочь. Да и не хотел он ей помогать. Хотелось поскорее от нее избавиться. Вечер пятницы безнадежно испорчен. Она даже не красивая. Ну, может быть, и красивая, но из-за этих слез ее лицо распухло. Ничего не понять. Но она сексуальная. Его влечет к ней. Но все равно хочется сбежать. Кому нужна женщина в истерике? Но жаль ее. Как ее сейчас бросишь? Он довезет ее до отеля и уедет. Он еще может успеть в клуб, где сегодня собираются его друзья. И он очень надеется, что там не будет сумасшедших русских баб в слезах и соплях. Пусть они будут пьяные, веселые и готовые к приключениям. А она все плачет. И он даже не знает, как ее зовут. Нелепая ситуация.

Такси останавливается у пешеходной улицы в районе Таксим. Дальше пешком. Они продираются сквозь пеструю толпу. Он ее поддерживает. Она идет, низко опустив голову. Наверное, стесняется своих слез. Может быть, она редко плачет. Что же у нее произошло?

– Это здесь, – говорит она. Он ее не понимает, но догадывается, что они пришли. Он заводит ее в лобби отеля. Вот здесь и нужно попрощаться навсегда. Его миссия окончена.

Они стоят друг против друга. Она такая несчастная. Ему ее жалко. Хотя он совсем ее не знает. Она не поднимает голову. Протягивает ему руку. Он ее пожимает. Она что-то говорит на своем русском языке. «Спасибо, спасибо!». Да, это слово ему знакомо. Она его благодарит. Она сдирает со своей руки бумажные полотенца, смотрит на кисть своей руки – она вся ободрана, но кровь уже перестала сочиться. Лезет в рюкзак, морщится – видимо ей больно, достает кошелек, извлекает из него деньги, протягивает ему. Он, не пересчитывая купюры, засовывает их в карман. Она опять лепечет: «Спасибо, спасибо!», и вдруг припадает к его плечу и снова начинает рыдать. Ну что же с ней делать?

– Where is your room? – спрашивает он. Кажется, она его понимает: отлипает от его плеча и идет куда-то. К лифту. Заходит в лифт. Он нерешительно топчется, потом шагает за ней. Она нажимает кнопку лифта. Он дергается и медленно ползет вверх. Через несколько секунд двери открываются. Она шагает в темный коридор. Вслед за ее движениями в помещении зажигаются лампы. Он смотрит на ее хрупкий силуэт и идет за ней.

Они заходят в номер. Она швыряет свой рюкзак на кровать и уносится в ванную комнату. Он слышит, как она включает воду, сморкается. Он осматривает комнату – очень маленькая, тесная, неудобная. Две кровати, две тумбочки, стол, над которым висит телевизор, шкаф. Вот и все. За окном – окна соседнего дома. Номера в этом отеле, наверное, стоят совсем недорого. Видимо, эта девушка не планировала проводить здесь много времени – так просто ночь переспать. Самое время уйти. Он сделал все, что мог. Может быть, она продолжит плакать, но теперь она, по крайней мере, в безопасности. Он идет к выходу. Она выходит из ванной. Не успел.

– Не уходи, – говорит она. Он не понимает. – Хочешь виски? – спрашивает она. Слово «виски» он понял. Кивнул. Почему бы и нет?

– Садись. – Она жестом указывает на кровать. Он садится.

Она разливает золотистую жидкость в два стакана. Один протягивает ему. Сама почему-то выливает немного виски на стол. Печально смотрит на лужицу. Пьет.

– Понимаешь, – говорит она тихо, – сегодня умер человек, которого я люблю. Он меня не любил, а я его любила. И он сегодня умер. Его больше нет, понимаешь? А я не могу с этим смириться. Да что там, смириться, я даже поверить в это не могу. А, может, и не нужно верить? Можно ведь вообразить, что он жив? – Он ничего не понимает. Нелепая ситуация. Смотрит на нее вопросительно. Она замечает его взгляд. – Май френд, – говорит она с чудовищным акцентом, который даже для него очевиден, – май френд... тудей... умер. Как же будет «умер» по-английски? – Она задумывается. – Май френд тудей дай. Вот так. Понимаешь?

Да, теперь он понял. У нее горе. Ну, он и влип. Он с тоской смотрит на дверь. Как бы сбежать? Почему он должен сидеть здесь с этой русской? Он даже не знает, как ее зовут. Почему он должен ей сочувствовать? При других обстоятельствах эта история могла бы быть очень даже пикантной. Ночь, отель, он и она вдвоем в номере... А тут... Умер у нее кто-то. Зачем он к ней вообще подошел? Зачем? Вечно страдает из-за своей доброты. Он допивает виски. Она подливает еще. Кто ее просил?

– Алина, – говорит она, и протягивает ему свою пораненную руку. Нужно бы ее продезинфицировать и перевязать. Алина, это что ее имя?

– Эмин, – говорит он и пожимает протянутую ему руку. Гладкая, нежная, теплая.

– Эмин, – повторяет она. – Эмин. Красивое имя. – Она смотрит на него. Он не понимает этого взгляда. Это ведь ему только кажется, что она смотрит на него оценивающе? – ты тоже красивый, как и твое имя. О чем она говорит?

– May I go? – спрашивает он осторожно. Она кивает. Он поднимается, ставит свой стакан с недопитым виски на стол. Она тоже поднимается. Они стоят совсем близко друг к другу. Она, пожалуй, красивая. Сейчас просто плохо выглядит из-за того, что так долго плакала. Глаза голубые. И почему у нее именно сегодня друг умер? Хотя, если бы этот друг не умер, то он к ней бы не подошел. Не решился бы. Или не заметил бы. Почему он должен уходить?

– Good bye! – говорит он.

– Прощай! – отзывается она, обнимает его за шею и целует в губы.

Она сумасшедшая? А губы у нее мягкие. Приятные.

Ее руки уже под его толстовкой. Она точно сумасшедшая.

Утром она поцеловала его в щеку и закрыла за ним дверь.

Царствие небесное. Сектор досудебного ожидания.

Дом мечты... Сначала Алеша жил с матерью, отцом, бабушкой и дедушкой в маленькой двухкомнатной квартирке. Потом он снова жил в маленькой двухкомнатной квартире, но в другой. Теперь уже только с родителями и младшей сестрой. Потом отец ушел. Потом ушел сам Алеша – вырос и захотел жить самостоятельно. Он, то снимал плохонькие однокомнатные квартиры, то обитал у своих любовниц в их небольших квартирах. О доме он даже мечтать не мог. Алеша был небогат. Много работал, но зарабатывал мало. Деньги будто бы избегали Алешу. Они к нему не шли. Это его удручало. Отравляло существование. Ему хотелось носить дорогую одежду, ездить на приличной машине, путешествовать, но он не мог себе этого позволить. Не было у него ни дорогой одежды, ни машины и за границей он ни разу не был. И уже не побывает. И богатым не станет. Жизнь закончилась, а он ничего не успел. У него даже ребенка нет. Все казалось, что он еще слишком молод, чтобы иметь детей. Так дорожил своей свободой! Высшая ценность! Ха-ха! Идиот! И теперь ничего после него не осталось. Интересно, хоть кто-нибудь заплакал о нем? Алеше стало невыносимо грустно.

Дом. Наверное, стоит попробовать создать дом. Все что угодно, лишь бы не думать о своей жизни. Он хочет дом у моря. Он ведь не был на море уже много лет. Море... Алеша

направился к двери, которая по его подсчетам должна служить выходом из его жилища. Осторожно ее открыл. За дверью оказался бесконечный светлый паркет, который Алеша создал вчера, небо и солнце. Ничего не изменилось. Даже кровать с балдахином и два кресла остались. Он сделал несколько шагов по паркету и обернулся. Его ночное пристанище снаружи напоминало гигантскую коробку для обуви. И в самом деле, небогатая фантазия у этого Бориса, подумал Алеша.

Он закрыл глаза и представил себе бирюзовое море, белый песочек, пальмы. Точнее, он представил себе фотографию из какой-то экзотической станы, которую он увидел у одной из своих подружек. Ему так туда захотелось тогда! Но он не мог поехать, потому что у него как всегда не было денег. Он, когда эту фотографию увидел, подружку свою возненавидел на мгновение – она может ехать, куда захочет, а он нет. Несправедливо. Даже у этой девчонки денег больше, чем у него. Почему? От девчонки он ушел через месяц. Надоела, во-первых, и не мог он ей простить, что она зарабатывает больше, чем он – это, во-вторых. А в-третьих – у нее профессия была: блогер-путешественник. Он несколько лет дальше родительской дачи не выезжал, а она по всему миру болтается, да еще и зарабатывает на этом. Жить рядом с таким источником раздражения очень тяжело. К тому же, пока она со своим компьютером где-то на Гоа загорала, он такую красавицу встретил!

Алеша прогнал из головы воспоминание об этой женщине. Вдруг это воспоминание как-то помешает процессу творения. Он снова представил ту фотографию. Потом вдруг подумал, что нужно определить точно свое местонахождение в этой фантазии, а то окажешься еще где-то в море, в ста верстах от берега. Так и утонуть можно. А можно ли умереть, если ты уже умер? Алеша усмехнулся.

Так, еще раз. Море, белый песок, пальмы, Алеша стоит на кромке прибоя. Волны гладят его ступни. Для верности Алеша представил себе еще шум моря, и в тот же миг почувствовал, что его ноги находятся в воде. Он открыл глаза. Да, все, как в его воображении. Паркет, кровать с балдахином, два кресла и гигантская коробка для обуви исчезли.

Отлично! Господи! Может, я в раю? Подумал Алеша, и ему захотелось помолиться. Но он не умел этого делать. Поэтому он просто сказал: «Спасибо, Господи! Хотя бы после смерти ты исполнил мою мечту!» – это и была Алешина молитва.

Он разделся догола и побежал в море. Бежал, пока было мелко, потом поплыл. Господи, как хорошо! Как хорошо! Спасибо тебе, господи! Как хорошо, что я умер!

Он вышел из моря. Вот теперь можно придумать дом. Ему снова вспомнилась та путешественница. Почему-то до сих пор, то есть даже после смерти, когда он думал о ней, его захлестывало волной ненависти. Но если бы он был честен с собой, он бы понял, что это была не ненависть, а обыкновенная зависть. Он знал за собой этот грех, но предпочитал его не замечать. Зависть – это так неблагородно, а он порядочный человек. Так вот, он вспомнил, как Алина рассказывала про визуализацию: нужно представить все в мельчайших подробностях, тогда она станет реальностью.

Дом... Дом... Фотография в журнале об интерьере. Дом, на берегу океана. Очень много стекла. Террасы. Панорамные окна. Он тогда подумал, что именно в этом доме он хотел бы жить. Иметь много денег. Не ходить на службу. Сидеть на берегу, пить красное вино, загорать, купаться, иногда рыбачить, любить красивых женщин. Каждый день разных. Никогда не повторяться. Да, и еще не искать этих женщин. Он хотел, чтобы они сами к нему приходили. Ближе к вечеру.

Алеша закрыл глаза и в своем воображении начал вписывать дом в уже имеющийся пейзаж. Главное, не ошибиться с пропорциями. Открыл глаза. Да, вот он, дом мечты. Похож на тот, с картинки. Внутри он, наверное, пустой. Алеша медленно шел к дому и боялся: а вдруг исчезнет? Вдруг это мираж? Как в пустыне. Алеша приблизился к дому, поднялся по ступе-

ням террасы: вроде, они настоящие: из беленого дерева, нагретого солнцем. Алеша на секунду замер, обернулся к океану – прекрасный вид! Великолепный!

Алеша зашел в тень террасы. Как он и предполагал, мебели там не было. Алеша открыл стеклянную дверь и оказался в огромном пустом помещении, залитом солнечным светом. В углу Алеша заметил лестницу и бодро взбежал на второй этаж. А там... А там еще три комнаты, санузел и еще одна терраса. Так не бывает, так не бывает, думал Алеша и прыгал от радости, как в детстве, когда ему подарили игрушечную железную дорогу, о которой он мечтал целых два года.

С чего бы начать? Он еще раз пробежался по комнатам второго этажа – выбрал, которая из них будет его спальней. Зажмурился и загадал себе огромную кровать со спинкой из белой кожи. Он хотел, чтобы все в его доме было белое. Видимо, у него тоже не слишком богатая фантазия, как и у Бориса. Кровать появилась...

Через два часа Алеша сидел на террасе своего дома, пил пиво и смотрел на океан. Сидел он в плетеном кресле из ротанга. От солнца его защищала маркиза в белую и синюю полоску. Пиво было теплым и довольно странным на вкус, но все же напиток, который удалось создать Алеше, походил на пиво. Сотворить вино он не рискнул – вспомнил бурду, которую наколдовал вчера. Алеша был счастлив. Абсолютно. Безо всяких «но».

– О! Вы неплохо устроились! Я бы даже сказал, прекрасно! Редко у кого из новичков так получается, – услышал Алеша голос, обернулся – на террасу зашел Борис. Он опустился в соседнее кресло. В его руках тут же возник бокал белого вина. Он отхлебнул глоток, улыбнулся. – Жаль, что это ненадолго.

– Почему? – удивился Алеша. – Это только до суда.

Самолет. Рейс «Стамбул – Москва».

Землю не видно. Ее закрывают облака. Алина смотрит в иллюминатор. Ей, как обычно, хочется полежать на облаке. Она помнит из школьного курса физики, что облака состоят то ли из пара, то ли из газа, в общем, из чего-то такого, на чем лежать невозможно. А вдруг, люди, которые умерли, живут в этих облаках. Они лишаются земного тела и становятся то ли паром, то ли газом, и вполне могут лежать на облаках. Что за нелепая фантазия?

Как же так получилось? Как же так получилось? Она и этот турок? Как его зовут? Она не помнит. Она должна скорбеть по своему умершему возлюбленному. Она и скорбела. Но как же так получилось, что она оказалась в объятьях незнакомого мужчины? Это подлость. Это предательство памяти умершего. А вдруг он там, на небесах все видел? Стыд-то какой! Стоп! Это она сейчас в небесах. А где он, не известно. Да и вряд ли он стал бы наблюдать именно за ней – они расстались четыре года назад. С тех пор он успел сменить несколько подружек. Ему уже давным-давно нет до нее никакого дела. Не глупо ли хранить верность человеку, которому ты безразлична? Но спать с другим мужчиной в день смерти любимого человека? Алина ненавидит себя. Презирает.

Человек жив, пока о нем помнят. А она ведь может увековечить память о нем. Может! Она ведь писатель. И она может написать целый роман. Или она может начать писать о нем в своем блоге. И тогда он, хоть и умер, останется жить. Да-да! Нужно начать прямо сейчас. Алина достает из рюкзака свой компьютер. Включает.

Что мы знаем о смерти? Не так уж и много. Мы знаем, что она неизбежна. Что она наступает, когда сердце человека перестает биться. Что после смерти тело человека начинает разлагаться, и его нужно похоронить. Мы не знаем, есть ли на самом деле у человека душа. Если предположить, что она все же существует, мы не знаем, куда она отправляется после того, как покинет тело. Или же она умирает вместе с телом? Мы можем только фан-

тазировать на эту тему. И мы не узнаем, насколько наши фантазии далеки или близки к реальности до тех, пока не умрем. Что еще мы знаем о смерти? Когда умирает близкий человек, тем, кто остался жить, очень больно. Вчера умер человек, которого я любила. Он лежит сейчас где-то холодный, а я лечу в самолете и горюю о нем.

Я помню день, когда мы встретились. Было начало марта. Оттепель, которую обычно принимают за весну. На мне было черное пальто. Я шла на работу пешком, радовалась первым лучам и шурилась от солнца. Меня переполняли романтические предчувствия, что сегодня, именно сегодня что-то произойдет. Нечто волшебное, чудесное, прекрасное. Я ощущала себя Булгаковской Маргаритой, идущей навстречу своей судьбе. И так хотелось, чтобы в руке моей вдруг оказалась ветка мимозы, чтобы Мастер наверняка узнал меня. Романтический бред. Это только в книгах бывают такие встречи. А в жизни все не так...

Навстречу мне шли люди, уставшие от долгой зимы, хмурые и какие-то серые. Они равнодушно проходили мимо. Никто не встал передо мной как вкопанный и не воскликнул: ну, здравствуй! Я так долго тебя искал! Ты моя судьба! А на работе все было как обычно – суета. И люди все те же. Все те же мужчины. И никого из них я не любила. И не смогла бы полюбить. Я даже пыталась от безысходности, но ничего из этого не вышло. Получается, предчувствия меня обманули?

Он сидел рядом на пресс-конференции. Юный, красивый. Свежий. Я сразу обратила на него внимание – он новенький, раньше я его нигде не встречала. Он делал пометки в своем блокноте. А я смотрела на его руки – тонкие длинные пальцы. Почему-то представила, как он проводит ими по моей обнаженной спине. Запретила себе думать об этом. Я на работе. Это не место для эротических фантазий. Про свои предчувствия по поводу судьбоносной встречи я к тому моменту уже забыла.

– Скука, – вдруг говорит он мне. – Так всегда бывает на пресс-конференциях?

Пожимаю плечами:

– Не всегда, но часто.

– А давайте сбежим.

Смотрю на него удивленно:

– Мы же не школьники и это не урок. Что мы потом сможем написать?

– Не будьте занудой! – он тихо смеется. – Напишем что-нибудь. Я задал вопрос, который хотел и получил на него ответ. Больше мне здесь делать нечего. – Он убирает блокнот и ручку в сумку. – Вы со мной?

– Я с вами.

Мы вместе идем к выходу.

Стюардесса просит Алину выключить компьютер – самолет идет на снижение. Так быстро? Почему так быстро? Как было чудесно писать об Алеше и думать о нем, как о живом. Как было прекрасно не помнить о том, что он умер. Добро пожаловать в реальный мир!

Шасси самолета касаются земли.

Царствие небесное. Сектор досудебного ожидания.

– Алешенька, просыпайся. Пора вставать!

Алеша с трудом открывает глаза. Красивая молодая женщина в черном платье и черной же шляпке с вуалью сидит на краешке его роскошной белой кровати. Ах, да, это же его бабушка.

– А зачем? – ворчит Алеша. – Мне, вроде, некуда спешить.

– Если ты хочешь проспать собственные похороны, то, конечно, спешить тебе некуда. – Бабушка недовольно поджимает губы. Алеша начинает хохотать.

– Ты себя слышишь? – спрашивает он. – Проспать собственные похороны! Это же абсурд! Чуть! Какая чуть! Зачем ты меня разбудила? Даже мои цветные сны сумасшедшего более разумны, чем эта гребаная действительность!

– Фу, что за выражения? Я всегда говорила, что твоя мать плохо тебя воспитывала. – Женщина встает с кровати, расправляет плечи. – Так ты пойдешь на похороны или пропустишь это знаменательное событие?

– Пойду.

– Тогда ты немедленно должен подняться, привести себя в порядок, позавтракать и следовать за мной. Жду тебя в столовой. Костюм для похорон в шкафу. – Бабушка покинула спальню с высоко поднятой головой.

– Откуда у нее эти аристократические замашки? – подумал Алеша. – Из деревни, вроде. И на тебе – барышня-крестьянка. Вечно рядом с ней чувствуешь себя холопом с дурными манерами. Ему вспомнилось, как бабушка недовольно хмурилась, когда он отодвигал нож и ел одной вилкой.

– Немедленно возьми нож, – говорила она строго и так жестко смотрела ему прямо в глаза, что Алеша в ту же секунду хватал нож и начинал аккуратненько разрезать котлетку на части. Потом он перекидывал вилку в правую руку, но бабушка снова смотрела на него сурово. Так и приходилось есть: нож в правой руке, вилка – в левой. Никакого удовольствия. А дома мама позволяла ему есть жареную картошку ложкой прямо со сковородки. Радость и восторг!

Став взрослым, Алеша, правда, оценил бабушкины старания по части развития у него хороших манер – в приличных ресторанах, которые он изредка посещал, ложкой со сковородки есть было не принято, да и рафинированные дамы, на которых он желал произвести положительное впечатление, бывали очарованы его манерами и обхождением и с легкостью укладывались с ним в постель. Это же так мило, когда молодой человек и двери перед ними открывает, и верхнюю одежду помогает снимать, и ручку лобызает, и даже очень определенно знает, для чего какая вилка предназначена. Ах, какая прелесть! Алеша умел быть галантным.

Где-то в глубине души он был признателен бабушке за такое воспитание, но эти регулярные поучения его раздражали. Так давно все это было! И кто же мог подумать, что это снова повторится уже после смерти. И ладно тогда бабушка была настоящей бабушкой, а сейчас какая-то девчонка указывает ему, что делать. Может, он вообще не хочет идти на свои похороны? Смерть еще абсурднее жизни. Алеша побрел в ванную комнату. Когда он вышел в столовую, облаченный в черный костюм, белую сорочку и черный узкий галстук, стол уже был сервирован к завтраку, а баба Люба прихлебывала чай из фарфоровой чашки с золотой каймой и кокетничала с Борисом.

Борис ел яичницу. Все как положено: нож в правой руке, вилка – в левой. Алеша поморщился: прямо как в рекламе какого-нибудь сыра или зерновых хлопьев – идеальная семья в идеальной столовой за завтраком. На холеных прекрасных лицах светятся улыбки. Все счастливы. Разве что слишком много черного в этой радостной картинке: Борис тоже в траурных одеждах. Но вот настроение ни у него, ни у бабушки вовсе не похоронное. Алеша заметил, что Борис смотрит на бабу Любу с откровенным интересом. Не вполне приличного свойства. Опять его оглушило ощущение абсурдности происходящего.

– Хорош! Какой ты красивый! – воскликнула бабушка бодро и излишне восхищенно, как показалось Алеше. – Я всегда говорила, что мужчина должен носить костюмы, в них он выглядит солидно, элегантно и надежно. А эти ваши дырявые джинсы, это разгильдяйство какое-то. Борис закашлялся, а Алеша расхохотался – он своего куратора в костюме видел в первый раз: до сегодняшнего дня он появлялся в драных джинсах и белых майках. И был похож именно на разгильдяя.

– Джинсы, это самая удобная одежда, бабуля! – Алеша намеренно сделал ударение на слове «бабуля». Бабушка опустила глаза и мгновенно покраснела. Борис бросил на Алешу неприязненный взгляд, но тут же придал своему лицу благожелательное выражение.

– Не всем удастся умереть молодыми, – тихо произнес он и усмехнулся. – Любочка, вы готовите восхитительные блинчики, давненько я таких не ел.

Бабушка довольно улыбнулась.

– Алеша, ты чего стоишь? Садись за стол. Тебе нужно хорошенько подкрепиться, сегодня тебе предстоит непростой день.

Он послушно сел, взял льняную салфетку, заткнул за ворот сорочки. Он ненавидел так делать, но знал, что бабушка все равно заставит. Вон и Борис как пай-мальчик сидит в слюнявчике.

Алеша принялся за еду.

– Алексей, вы создали прекрасный дом! – нарушил Борис тишину.

– Спасибо! – сухо отозвался Алеша. – Есть кое-какие прелести в смерти. На земле я такой дом никогда бы не построил, да еще и в таком месте – у меня денег не было.

– Заработал бы еще, ты же умница! – воскликнула бабушка. Борис саркастически ухмыльнулся, но промолчал.

– Почему-то я сомневаюсь, – Алеша недобро посмотрел на бабушку, – не было у нас богатых в роду. Мы же бедные, но зато такие порядочные! Благородные! Большие деньги честным путем заработать невозможно! Чьи слова?

– Алексей! – в бабушкиных синих глазах полыхнул гнев. – Мне бы не хотелось обсуждать наши семейные дела при посторонних! А от своих слов я не отказываюсь. Я и сейчас так считаю. А ты мог не следовать моим убеждениям, раз уж они тебя не устраивают, а сформировать собственные взгляды на жизнь и на деньги.

– Всегда проще обвинить в своих несчастьях других, – ввернул Борис.

– Вы что, издеваетесь надо мной? – закричал Алеша. – Меня сегодня хоронят, а они мне еще нравоучения читают! Ни капли понимания! Ни капли сочувствия! Вы меня даже не спросили, хочу ли я на свои похороны! Одевайся, пошли! Все! Не пойду никуда!

– Алексей! Я вам уже говорил, что присутствие на собственных похоронах – дело добровольное. Тут, как говорится, хозяин-барин. Хотите – идете, хотите – нет. Никто вас не заставляет. – Сказал Борис, допил свой чай и вытащил салфетку из-за ворота сорочки. – А я по долгу службы обязан присутствовать на ваших похоронах.

– А я по зову сердца. – Сказала бабушка. – И, кстати, Алешенька, ты решай побыстрее, идешь ты или нет, иначе мы можем опоздать.

Алеша нахмурил брови, потер рукой лоб.

– Не знаю! Не знаю! Я устал от всех этих изменений! Я запутался! Не хочу видеть себя мертвого!

– Но ведь это еще и возможность увидеть своих близких, – сказал Борис тихо. – Может быть, последняя. Это возможность с ними попрощаться. Это больно, я понимаю, но... Не мне вас уговаривать. Я-то на своих похоронах не был – смалодушничал.

– А ты была на своих похоронах? – спросил Алеша у бабушки. Она утвердительно кивнула. – Хорошо, я иду с вами.

– Вот и славненько! – Борис радостно потер руки. – Пора! – Он поднялся. В дверях бабушка немного замешкалась, приблизилась к Алеше и прошепела ему на ухо:

– Не смей больше на людях называть меня ни бабулей, ни бабушкой! Для всех я твоя сестра, причем, младшая.

Город на Волге. Квартира Алины.

Похороны в двенадцать. Она поедет сразу на кладбище. Спрячется там, где-нибудь за деревом. Понаблюдает издали. А почему собственно издали? Законной жены у него нет, а бывшие подружки имеют на него прав не меньше, чем нынешняя. Хотя, какая она нынешняя? Тоже теперь уже бывшая. Они все теперь бывшие. Его же больше нет. Это, наверное, очень страшно, увидеть его в гробу. Нужно ли? Нужно. Нужно проститься по-человечески. Сказать последнее «прости». Может быть, его смерть лишь иллюзия? Неправда. Выдумка. Вот приедет она на кладбище, а там никого нет. Лишь кресты, занесенные снегом и ни одной живой души. Нет ни только что вырытой могилы, ни венков, ни цветов, ни гроба, ни тела. А он сидит где-нибудь живехонький в теплой маленькой кухне, пьет горячий чай с бергамотом или мятой и посмеивается над своей шуткой и над теми, кто в нее поверил. Вот если бы все так и было!

А на похороны нужно надевать черный платок? Или так уже не принято? А кто обычно носит траур по покойнику? Вдовы и близкие родственники. Она ни то, ни другое. Просто надеет черную вязаную шапку и черный пуховик. Потом их выкинет или отвезет в какой-нибудь монастырь. Может, кому-то ее вещи пригодятся, а она носить их больше не сможет.

Тяжело справляться с горем в одиночку. Все подружки отказались пойти с ней на похороны, сославшись на неотложные дела. Может, и нет у нее никаких подруг? Так, красивые девочки, с которыми приятно в кафе за бокалом шампанского обсудить мужчин, путешествия и новые наряды. Друг познается в беде. Алина в беде осталась одна, выходит, нет у нее друзей. Еще одна потеря. Снова слезы. Ох, не по себе она должна плакать, не себя жалеть, а его. Впрочем, ему, может быть, уже все равно. Как справиться со слезами?

Алина натягивает на себя теплый джемпер, штаны от лыжного костюма, угги, черный пуховик, черную шапку, выходит из дома, садится в машину и едет на встречу с реальностью. В багажнике ее машины лежит траурный венок с надписью: «Единственному».

Город на Волге. Кладбище.

На берегу моря стоит кабинка лифта. Выглядит она сиротливо и неуместно в этом пейзаже. Борис резво сбегает по ступеням крыльца и направляется прямо к лифту. Его ноги, обутые в черные туфли, утопают в песке. Он оборачивается и жестом показывает, чтобы Алеша и Люба следовали за ним.

Кабинка лифта совсем обычная, как в каком-нибудь отеле: пластик под карельскую березу, хром, зеркала. Только кнопок с номерами этажей нет. Вместо них – большой дисплей. Борис быстро набрал на дисплее: город N, новое кладбище, аллея 7. В тот же миг лифт пришел в движение. Алеша не понял, куда он идет, вверх или вниз. Через несколько секунд двери лифта плавно раскрылись...

Борис первым ступил на занесенную снегом аллею, окруженную памятниками, крестами и оградками.

– Хорошо, хоть снег немного убрали, можно нормально ходить. – Сказал он. Алеша и Люба тоже выбрались из лифта. – Помните, что для живых людей мы призраки. Они не могут нас ни видеть, ни слышать. Вы можете с ними разговаривать, даже касаться их, если захотите, но они ничего не почувствуют. Правда, среди живых людей иногда встречаются экстрасенсы. Вот они могут что-то заподозрить. Но это не страшно. И все же, я рекомендовал бы вам быть осторожными и держаться в сторонке.

– Там будут мои сыновья и моя внучка, я бы хотела к ним подойти, посмотреть на них. Столько лет не видела! – возразила Люба.

– Как вам будет угодно, но, пожалуйста, без крайних проявлений эмоций.

– Постараюсь. – Люба улыбнулась.

Все трое медленно пошли по аллее. Алеша молчал. В последний раз он был на похоронах несколько лет назад, в день, когда провожали в последний путь бабу Любу. Он никак не мог

предположить, что в следующий раз он попадет сюда на собственные похороны. Он не мог этого осознать. Происходящее было выше его понимания.

– Почему я не мерзну? – спросил он, наконец, растерянно, – мороз, я в одном костюмчике, а мне совсем не холодно.

– Вы больше не состоите из плоти и крови. – Ответил Борис. – Вам может быть тепло или холодно в нашем мире, а в этом – нет.

– А из чего я состою?

– Из совсем других материй. Земной науке они не известны.

– Понятно, – буркнул Алеша, хотя ему было совершенно ничего не понятно.

– Нам туда! – сказал Борис и свернул вправо от главной аллеи.

Там посреди белого снега чернела могила. В холм мерзлой земли были воткнуты две лопаты.

– Это здесь меня закопают? – спросил Алеша. Борис утвердительно кивнул. Алеша заглянул в могилу.

– За что? За что мне этот кошмар? Что я такого сделал?

Бабушка молча обняла своего внука.

– Собственно, абсолютно все проходят через этот кошмар. Ничего особенного. А вам еще повезло, у некоторых и могил-то нет. – Борис усмехнулся.

– Как можно быть таким циником? – Закричал Алеша. Ему нестерпимо захотелось ударить этого бесчувственного человека. Дать кулаком в глаз. Испортить его распрекрасную физиономию. Сдержался. Бабушка, будто это почувствовала и крепче сжала Алешу в объятиях. По его щекам ползли слезы.

Вскоре в начале аллеи показалась похоронная процессия. Четверо мужчин: отец и трое друзей Алешы несли гроб. За гробом шло человек тридцать. Не густо, подумал Алеша. Сколько у него было знакомых? Несколько десятков, а то и сотен, а на похороны, значит, пришла лишь горстка людей. Алешу захлестнуло чувством обиды. Сердце сжалось от злости.

Мать, сестра. Обе плачут. Бабушка и дедушка по материнской линии. Дядюшка с тетушкой. Двоюродные братья и сестры, племянники и племянницы. Коллеги. Друзья. Машка, девушка, с которой он встречался последние несколько месяцев. Она хорошая, жалко ее – заботилась о нем, в больницу к нему каждый день бегала, все надеялась, что он выживет. Да он и сам надеялся. Черт! У него же столько баб было! Где они все? Он умер, а им все равно? А говорили: люблю – не могу! Страдали, когда он от них уходил, бегали за ним! А сейчас все, не нужен никому? Сучки! Лицемерки! Никому нельзя верить!

Гроб поставили на табуретки рядом с могилой.

– Теперь можно попрощаться с покойным! – объявила Алешина тетка со стороны матери – она всегда занималась организацией семейных торжеств. Она первая подошла к гробу, наклонилась, поцеловала Алешино тело в лоб и громко произнесла, – спи спокойно, Алешенька! Ты был хорошим мальчиком, добрым, отзывчивым. Мы будем помнить о тебе всегда!

– Можно я тоже подойду посмотрю на себя мертвого? – спросил Алеша у Бориса. Тот кивнул. Алеша двинулся к гробу. Он шел среди близких ему людей, а они не видели его, не знали, что он рядом. Алеша заглянул в гроб. Там лежало его мертвое тело. Он себя не узнал. Это совсем не то, что смотреть на себя в зеркало. Там можно улыбнуться, как хочешь, гордо задрать подбородок, хитро прищуриться. Лицо человека в гробу было неподвижным. Оно застыло в гримасе боли. Было оно худым, имело зеленоватый оттенок. Этот человек, лежащий в гробу, был старше Алешы лет на пятнадцать.

Алеше было невыносимо даже смотреть на себя мертвого, но он все же нашел в себе силы поцеловать собственный труп в лоб. Он должен был попрощаться с собой прежним. Алеша не успел отойти от гроба, как прямо сквозь него прошла его мать. Алеша застыл от ужаса. Надо привыкать, теперь у него нет тела в земном понимании. Нет, оно есть, вот оно

лежит мертвое перед ним, но через несколько минут оно будет погребено под двумя метрами земли. Мать обняла мертвого Алешу и разразилась рыданиями.

– Мама, я рядом! Я здесь! Я умер, но я жив! – кричит ей Алеша, но она его не слышит. – Мама! Мама!

Это невозможно вынести. Алеша бежит куда-то в сторону между оградками чужих могил, валится в снег и плачет. Он возвращается через несколько минут. Будто бы уже спокойный. Он видит, как бабушка переходит от одного родственника к другому, что-то им говорит, гладит их по голове, плачет. Еще он заметил трех новых персонажей, которые появились на кладбище, пока он лил слезы, лежа в снегу.

Одна из них та самая Алина, путешественница, которой он так люто завидовал. Выглядит она неважно – лицо совсем без косметики, опухшее. Неужели плакала по нему? Почему? Они ведь расстались много лет назад. Он ее бросил. Сбежал без объяснения причин. А она на похороны пришла. Всегда была ненормальной. Двое других были явно из того мира, к которому принадлежал сейчас Алеша, то есть из потустороннего. Один высокий худой мужчина лет сорока пяти с желчным выражением лица. Другой, наоборот, пухлый коротышка с добродушным лицом и румянцем во все щеки. Оба они бродили между участниками похорон и что-то записывали в блокноты.

Алеша подошел к Борису.

– Кто эти люди?

– Эти господа? – Борис усмехнулся, – боюсь, именно от этих господ во многом зависит ваша дальнейшая судьба. – Алеша вопросительно посмотрел на Бориса. – Дело в том, что тощий – это помощник прокурора, а толстяк – помощник адвоката.

– А что они здесь делают?

– Они здесь на работе. Записывают разговоры ваших близких, фиксируют их реакцию на вашу смерть: кто плачет, кто не плачет, кто искренне скорбит, кто просто делает вид.

– Это еще зачем?

– Как зачем? Все это будет использовано в суде.

– Когда будет суд?

– Через две недели. Мой вам совет – не думайте пока об этом. Лучше попрощайтесь с родными. Когда еще снова увидите?

Алеша хотел было возразить просто из духа противоречия, Борис с его советами и цинизмом порядком его раздражал, но не стал. И в самом деле, когда он еще увидит своих родителей, родственников и друзей? Алеша подошел к каждому из них, попросил прощения, сказал теплые слова. Между тем, гроб подняли с табуреток и начали опускать в могилу. На это Алеша смотреть уже не мог. Он снова побежал между оградками куда-то в сторону, подальше от собственной могилы. Возле одного старого, ржавого покосившегося креста он наткнулся на Алину. Она сидела в сугробе. Лицо ее было закрыто руками. Она плакала. Достала из кармана бумажную салфетку, шумно высморкалась и начала шептать.

– Леша! Лешенька! Ну почему ты умер? Почему? Это не справедливо! Ты же такой молодой! Если бы я знала, что ты болен! Я не знаю, что бы я сделала, но я бы что-нибудь сделала. Я бы сидела у твоей постели и читала бы тебе вслух твои любимые книги. Я бы покупала тебе самые дорогие лекарства. Почему ты умер? Как я теперь совсем без тебя? Зачем мне жить? Зачем? Зачем? Господи, почему ты так с ним поступил? Я же молилась за него! Каждый день молилась!

Она снова залилась слезами.

– Она что, все еще меня любит? – удивился Алеша. – Как такое может быть? Столько лет прошло. Он ее ненавидел, а она его любила? Она не звонила ему, не писала. Он думал, она о нем забыла. Выходит, она просто не хотела лезть в его жизнь, не хотела ему мешать. Выходит, она простила ему то, что он ее бросил. Она не держала на него зла, а он ее ненавидел.

Алеша вдруг почувствовал себя подлецом. Ему захотелось сделать что-то хорошее для этой женщины. Он присел перед ней. Провел рукой по лицу, пытаясь утереть слезы. Ничего не получилось. А она вдруг посмотрела прямо ему в глаза.

– Леша, ты здесь? – спросила она.

– Да, я здесь. – Отозвался он.

Она его не услышала, но будто поняла, что он находится прямо перед ней.

– Леша, я люблю тебя, слышишь? – сказала она, продолжая смотреть ему в глаза. – Люблю и буду любить. Я тебя за все прощаю и не держу на тебя зла. Надеюсь, ты тоже меня за все простил.

– Простил, – соврал Алеша.

– Я напишу книгу о тебе, и ты останешься жить. Обещаю.

– Прощай.

– Прощай.

Город на Волге. Квартира Алины.

Она готова была поклясться чем угодно, что он был там, на заброшенной могиле. Она ничем не могла подкрепить эту свою уверенность. Ни одного аргумента в пользу его присутствия. Она не видела его, не слышала, не осязала, не обоняла. И все же. Она знала, что он был там, что он слышал ее слова, обращенные к нему.

Безумие. Этого не может быть. После смерти жизнь заканчивается. И человек жив только до тех пор, пока кто-то о нем помнит. Она обещала написать книгу. Это все, что она может сделать для него сейчас. Пусть лицо распухло и покраснело от слез, пусть в голове ее пьяный туман – она выпила полбутылки водки на своей кухне после похорон, не стоит откладывать. Прямо сейчас. Лучше писать о нем, как о живом, чем плакать о нем о мертвом.

Мы одурманены литературой и кинематографом. Нам кажется, что судьбоносные встречи должны быть декорированы ореолом особенности. Выдумки авторов мы путаем с вероятной реальностью. Нам кажется, что любовь всей нашей жизни должна приплыть к нам под алыми парусами, встретиться среди шумного бала, по крайней мере, или сидеть на соседнем кресле в самолете, несущем нас в облаках в чужую прекрасную страну. А в жизни все бывает не так.

Мы, как школьники с занятий сбегали с пресс-конференции. Мы шли по улице, перепрыгивали лужи и дрожали от холода и ветра – слишком холодное – это тепло первых дней весны. А потом он просто сказал:

– Пойдем, кофе выпьем. Можно ведь на «ты»?

Разве можно было предугадать, что это неожиданное легкомыслие, эта детская шалость взрослых людей и проявление непрофессионализма как раз и есть перст судьбы? Разве можно было представить, что этот юный красивый мальчик, который шел тогда рядом со мной, так надолго засядет в моем сердце? О чем я тогда думала? Мне было приятно идти по улице с таким красавцем. Меня забавлял он сам и это милое приключение, в которое он меня втянул. Еще я очень надеялась, что с приходом весны, что-то изменится в моей унылой жизни, что она наполнится событиями.

Еще я думала, что скоро весь этот грязный снег растает, и можно будет ходить в ярких босоножках и цокать по сухому асфальту каблучками. И носить веселье коротенькие платица и чувствовать себя юной и прекрасной. Еще я думала, что мне нужно бежать в редакцию, а не шляться без дела по улице. Что мне нужно сдать материал уже сегодня. Что редактор будет мною недоволен. Еще я думала, что, возможно, этой весной я влюблюсь. Мне бы очень этого хотелось. Это ведь возможно, что мое замороженное долгой зимой и былыми неудачами в любви, сердце, наконец, оттаает. Да, я хотела влюбиться, но не могла

догадаться, что влюбиться мне суждено в парня, что шел сейчас рядом и рассказывал мне о фильме, который смотрел вчера. Он предложил выпить кофе, а я снова подумала о своем редакторе. Представила ее недовольную физиономию и... согласилась. Что за безрассудство!

– Кофе? А почему бы и нет.

Мы забежали в ближайшее кафе. Как же здесь тепло! Мы уселись за столик друг против друга. Заказали кофе и пирожные. Вот тут-то я и рассмотрела его хорошенько: наивное лицо, большие зеленые глаза, длинные густые ресницы. Как у девочки. Точнее, не все девочки могут похвастаться такими ресницами. Я вот – не могу. А губы такие пухлые! Хочется их поцеловать. Гоню от себя эти распутные мысли. Я вижу его в первый раз в жизни. И может быть в последний. Но не могу отвести взгляд от этих губ. А он спрашивает:

– Тебе нравится журналистика?

Пожимаю плечами:

– Нравится. Я люблю писать. Мне нравится общаться с людьми. И я любопытная. – Улыбаюсь.

– Ты думаешь в этом твое призвание? – Он смотрит мне прямо в глаза. Слишком личные вопросы для людей, которые видят друг друга впервые. Мне не хочется отвечать. Я как раз начала сомневаться в том, что правильно выбрала профессию – мне наскучило писать о бессмысленных пресс-конференциях, открытиях выставок, концертах, людях, которых называют звездами. Почему-то это все перестало мне быть интересным. Но я еще не дошла до распутья дорог и продолжала двигаться по колее, в которую встала несколько лет назад.

– Ты что, заснула? – Голос собеседника вернул меня к реальности. – Журналистика – это твое призвание?

– Не знаю.

– А я вот точно знаю, что журналистика – это не мое. Скучно это – писать о ком-то. Мне хочется, чтобы писали обо мне.

– Думаешь, ты кому-то интересен, кроме тебя самого и твоих близких? – скептически усмехаюсь.

– Вот в этом-то и вся штука, я хочу стать тем, кто будет интересен тысячам, миллионам людей! – Его зеленые глаза заблестели еще сильнее.

– Ты хорошо поешь или ты отличный актер?

– Не... Петь не умею вообще: ни слуха, ни голоса. Да и актера, наверное, из меня не получится. Но ведь славы добиваются не только актеры, певицы и музыканты.

– Сколько тебе лет? – спрашиваю и думаю, какой смешной мальчик.

– Двадцать два. В этом году университет заканчиваю. А как думаешь, телеведущий из меня получится? На телевидение только по блату можно попасть, да?

Он смотрит на меня, как на человека более опытного и взрослого, чем он сам. А я старше то его всего на четыре года. Чувствую себя старухой.

– Несколько моих знакомых просто пришли на телевидение и их взяли. – Отвечаю сухо.

– Просто так?

– Просто так.

– Тогда нужно и мне пойти, – произносит он задумчиво. – Не интересно в этой газетенке-то работать. Заметочки эти. Чушь. – Оживает. – Слушай, ты говоришь, у тебя знакомые есть на телевидении, может, ты поговоришь с ними обо мне? Чтобы я пришел не с улицы, а по рекомендации.

– Как я могу тебя порекомендовать, я же тебя совсем не знаю. Не знаю, на что ты способен, даже заметочек твоих не читала.

– А давай сегодня вечером встретимся, я принесу тебе свои статьи, и ты прочитаешь. – Он задумывается на секунду. – Хотя нет, не сегодня. Сегодня я занят, давай завтра.

Я представила свой очередной одинокий вечер перед телевизором или под пледом с книжкой и решила, что лучше уж сидеть где-нибудь в кафе с этим наглым, но очень привлекательным мальчишкой. Пусть даже придется читать его писанину. Мне почему-то казалось, что ничего путного этот человек написать не мог. – Хорошо, давай встретимся завтра. – Соглашаюсь я.

– Вот здорово! – обрадовался он. В его взгляде, обращенном на меня, вдруг что-то изменилось. До этого мгновения он смотрел на меня просто как на коллегу, а сейчас он, кажется, разглядел во мне женщину. – А ты красивая, – произносит он тихо. – Только сейчас заметил.

– Ремарочку «только сейчас заметил» больше никогда не употребляй в общении с женщинами. – Говорю я надменно. – Но спасибо за этот неоднозначный комплимент. – Улыбаюсь. Он краснеет.

– Хорошо, больше так не буду. Ты очень красивая, я заметил это сразу, еще на той дурацкой пресс-конференции. Поэтому с тобой и заговорил.

– Так-то лучше. – Усмехаюсь.

Официантка принесла нам счет. Он взял его посмотрел и произнес с невинной улыбкой:

– С тебя сто пятьдесят рублей.

И вот я снова не красивая женщина, а всего лишь бесполой коллега. Сглотнула свое разочарование. И в самом деле, почему он должен за меня платить? Мы ведь едва знакомы, и он не демонстрировал своих намерений приударить за мной.

– До завтра! – бодро крикнул он мне на прощание, и мы разошлись по своим редакциям. Весь остаток дня я беспричинно улыбалась. Желания сбываются! Сбываются! Захотела влюбиться, и на тебе – влюбилась! И надо же – завтра я снова его увижу! Весна! Счастье!

Царствие небесное. Сектор досудебного ожидания.

Они вышли из лифта на пляже возле Алешиного дома. Над океаном горел закат.

– Вы хотите побыть один или нам лучше остаться? – спросил Борис.

– Оставайтесь, – ответил Алеша.

Мысль о том, что сейчас ему придется остаться одному, показалось невыносимой. С другой стороны, так о многом нужно подумать. У него перед глазами стоит видение: Алина сидит в снегу возле заброшенной могилы, смотрит ему прямо в глаза и говорит о своей любви к нему. Потом, как в каком-нибудь слайд-шоу, картинка меняется, и вот Алеша уже видит то себя, лежащего в гробу, то мать, проходящую прямо сквозь его новое тело. Безумие! Как избавиться от этих картин? Он смотрит на океан. Он видит алое небо, видит, как оранжевое солнце тонет в багряной воде. Величественное зрелище. Прочь земные призраки прошлой жизни! Сейчас он здесь, в месте, похожем на рай. Алеша медленно идет к дому. Любочка и Борис бредут за ним. Они поднимаются на террасу, устало садятся в кресла.

– Мальчики, вы кушать хотите? – спрашивает Любочка, и, не дожидаясь ответа, удаляется на кухню. Алеша заметил, что в глазах ее сверкнули слезы.

Мужчины молчат. Борис смотрит на волны. Хорошие волны. Сейчас бы встать на доску и... Но ему это запрещено в Царствии небесном. Он должен бороться со своей склонностью к неоправданному риску. Это постановление суда. Его, разумеется, можно нарушить, но тогда Бориса уволят с работы и переведут в сектор искупления. Может быть, в этом и нет ничего страшного – и там люди как-то живут, но тогда его возвращение на землю отсрочится на неопределенное время, возможно, на несколько столетий. А ему так хочется заново родиться. И уж там-то в земной жизни он снова встанет на доску и полетит на волне. Там ему никто запретить не сможет. Это такая мечта.

Борис знает, что она никогда не станет реальностью. Потому что, когда он заново родится, не будет ничего помнить ни о своей прошлой земной жизни, ни о своем пребывании в мире

ином. И неизвестно, кем он там родится: женщиной или мужчиной. Белым, черным, желтым, красным. Здоровым или калекой. В какой стране: процветающей или нищей. Все зависит от того, как он будет вести себя здесь. Борису кажется, что галстук душит его. Он сдирает с шеи галстук, снимает пиджак, рубашку, брюки, бежит к воде – купаться ему не запрещено. Тормозит у кромки прибоя – купаться разрешено, если высота волн не превышает одного метра. Эти волны выше. Значит – нельзя. Заходит в море по щиколотку – это не считается купанием. Стоит. Такая тоска. Его жизнь состоит из общения с только что умершими людьми, напуганными, растерянными. В его обязанности входит успокаивать этих людей, обустраивать, помогать осознать происходящее. Он по несколько раз в неделю бывает на похоронах. Он видит так много горя, слез, страданий и отчаянья. Разве назовешь такую работу радостной?

Его направили на эту работу, потому что он боялся похорон при жизни, старался всеми силами их избегать. Он не пошел на похороны женщины, которую любил. Не решился. Она не была его женой. Жениться на ней он тоже не решился. Но он очень, горевал, когда ее не стало. Ее вызвали в суд в качестве свидетеля. Оказалось, что она его ненавидит. И за то, что не женился, а особенно за то, что на похороны не пришел. Он слышал, что женщины ведут счет всех больших и мелких прегрешений своих возлюбленных. Всех обид, которые они им нанесли. Ему казалось, что счета эти не более чем метафора, а оказалось, что они и в самом деле существуют. И если этот счет не был предъявлен при жизни, то он вполне может быть предъявлен после смерти. Благодаря этому счету он и оказался в Секторе работы над ошибками, одном из подразделений Чистилища.

Борису не слишком нравился его новый подопечный. Алеша напоминал ему себя самого в земной жизни: красивый, самоуверенный, эгоистичный бабник, больше всего ценящий свою свободу и благополучие, и плюющийся на чувства других. Еще Бориса раздражало, что этот Алеша сотворил себе дом на берегу моря, а море для Бориса – самое большое искушение. Один вид волн возрождает в Борисе дух вольности и анархии. Вот и сейчас: как же хочется лететь на волне! Борис отворачивается от моря и обреченно идет к дому.

На террасу уже вернулась Любочка. Она успела переодеться: на ней было синее коктейльное платье и бирюзовые туфли. Любочка была прекрасна! Борису захотелось ее поцеловать. А Любочка покраснела и отвернулась. Ах, да! Он же почти голый.

– Извините, извините, я просто искупался, – бормочет Борис, тоже краснеет и скрывается в доме. Неловко получилось. Эта девушка из других времен. Перед ней почему-то стыдно за свою наготу даже на пляже. Рядом с ней почему-то хочется быть джентльменом. Алеша хохочет. Ему весело. Впервые с момента смерти.

– Уж не влюбилась ли ты, бабуля? – спрашивает он Любочку.

– Я же просила не называть меня бабулей! – возмущается она.

– Ты просила не называть тебя так на людях, но сейчас-то мы одни. – Он снова смеется.

– Изволь переодеться к ужину, – командует она и еще сильнее краснеет.

– С удовольствием! – отзывается Алеша и скрывается в доме. И в самом деле, пора снять это траурное одеяние – неудобно в нем.

Любочка сервирует стол на террасе. Она думает о Борисе. Вспоминает его почти нагое тело. Он красив. Он притягателен. Ей хочется тоже сбросить с себя одежды и обнаженной бежать с ним, взявшись за руки, по кромке прибоя. И целоваться на фоне закатного солнца. В земной жизни у нее такого никогда не было. На море-то она бывала несколько раз, только ездила туда с мужем да с детьми. Ничего романтического в поездках этих не было.

Муж ее – человек был сдержанный, серьезный, обстоятельный, на разную ерунду вроде поцелуев в набежавшей волне, не способный. Один раз пришел домой с букетом тюльпанов, хулигански сорванных с клумбы. Но пришел он тогда около полуночи, был изрядно пьян, вид имел ошалелый. Любочка этим букетом-то и отхлестала его по наглой довольной физиономии. И за то, что пришел поздно. И за то, что пьян был. Но в изменах она его не подозревала. Даже

мысли такой допустить не могла. Уже после смерти, на суде узнала она, что тюльпаны той ночью срывал он в романтическом припадке, вызванном случайной встречей с первой своей любовью и бурным спонтанным соитием в кустах городского парка. Очень он тогда счастлив был. И виноват перед женой своей. Вот и нарвал цветов-то. Чтобы как-то загладить... А она ими же его и побила. Куда все ее манеры девались? Больше цветов своей жене он не дарил.

Не любил он ее никогда. Это Любочка уже после смерти поняла. Выбрал, потому что красивая была, образованная, хозяйственная, порядочная. Удобная. А та женщина, которую он любил, за другого вышла. Еще выяснилось, что мужа своего Любочка совсем не знала. Не догадывалась даже, что этот сухарь к своей зазнобе на пятый этаж общежития по балконам лазил, что стихи ей писал, что ночами стоял под ее окнами, что летом каждый день ездил на велосипеде за город, чтобы нарвать ромашек своей любимой или земляники. Она даже представить не могла, что он резал вены, когда та девушка ушла к другому. Но не дорезал, помешали ему. Лишь тоненький шрам остался на левом запястье. Совсем незаметный. Любочка и внимания на него никогда не обращала.

Не знала Любочка, что с того самого дня, как вернулся он домой счастливый и пьяный, сжимая в руке букет розовых и желтых тюльпанов, появилась в его жизни тайная любовница. И были они вместе, пока смерть не разлучила их. А потом она же, смерть, соединила их вновь. А Любочка мужа своего любила. Его одного. Всю жизнь. И после смерти тоже. Она все надеялась, что он к ней вернется. Не могла поверить, что расстались они навсегда. Ревновала она его. После суда подошел он к ней и попросил не искать встреч с ним. Тем более что и запрещено это ей решением суда. Прощения попросил. На колени даже встал и руки ее целовал. Только как же можно такое простить? Как можно простить предательство, которое длилось несколько десятилетий?

И вот живет она в секторе переоценки ценностей и учится прощать. И учится по-другому как-то любить, но пока у нее ничего не получается. Она по-прежнему любит и ненавидит своего бывшего мужа. И простить его она не может. Это пытка. Ей хочется заново родиться, чтобы эта пытка закончилась. Но она не сможет попасть на землю, пока не простит.

Ей встречалось много мужчин здесь, в Царствии небесном. Они за ней ухаживали, но она была холодна. Она не верила их словам. Не верила их чувствам. Она боялась, что любой из них может предать ее также, как предал муж. Тело-то у нее теперь молодое, а душа-то старая, израненная.

Борис... Она увидела его сегодня впервые. Какая-то неодолимая сила, не поддающаяся контролю разума, влекла ее к нему. Это первый мужчина, который понравился ей после мужа. Она даже не понимала, чем он ей нравится. Да, красивый, ну и что? Немало она повидала красавцев. А про характер его она вообще ничего не знает. Хотелось совершить какое-то безумство. Схватить его за руку и переместиться в сектор романтических свиданий. А потом будь что будет. Хоть трава не расти. Таких чувств Любочка не испытывала никогда. Что делать с этим безумием? Главное, чтобы он ничего не заметил. Иначе, что же он о ней подумает. Она ведь приличная женщина. Да и внук рядом.

А внук в своей спальне снимает с себя траурный пиджак и застывает перед зеркалом. Мысли его не здесь. Они на земле. Перед его глазами будто стоят люди в черном. Близкие ему люди, которых он, возможно, не увидит больше никогда. И многих из них он обидел. И кому-то не сказал важных слов. И кому-то наговорил лишнего. И теперь уже ничего не исправить. Ничего. А что он в жизни сделал хорошего? Да ничего. Все гнался за успехом. За деньгами. За удовольствиями. И пропустил что-то важное. Думал, неудовлетворенность собственной жизнью и своими достижениями подождет до кризиса среднего возраста. А его так и не случилось – не дожил. Та женщина, Алина, за что она его любит? Разве есть за что его любить?

Город на Волге. Кафе.

Алина сидит в кафе. В городе, в котором она живет. Но так она сидела уже во многих городах мира. Кафе, чашка чая, компьютер и одиночество. Приятная, в общем-то, компания. Плодотворная. В такой компании хорошо работается. Но кто или что остается в ее жизни, когда чай допит, компьютер выключен, а кафе закрыто? Ничего. Никого. Странную жизнь она себе выбрала. Иногда ей хочется, чтобы ее жизнь была простой, понятной, обыкновенной. Ходить на службу, а вечером готовить ужин и кормить свою семью: мужа и троих детей. Почему-то ей мечталось, что у нее будет именно трое детей. Ей хотелось размышлять над меню семейных трапез, в какой садик пристроить Митеньку, в какую школу отдать Машеньку и Петеньку, какие ранцы им купить и ботиночки. Ей хотелось обсуждать с мужем, куда поехать в отпуск. Иногда ссориться с ним, а потом бурно мириться.

Она, разумеется, догадывалась, что за счастливым фасадом благополучной семьи может скрываться что-то не слишком приятное. Например, муж может оказаться отнюдь не примерным семьянином, каким он кажется, а коварным изменщиком. Что дети могут хулиганить, плохо учиться и часто болеть. Что жене может надоесть быть прислугой для своего семейства, что ей захочется быть женщиной, а не домохозяйкой. Но она хотела верить, что все может быть и по-другому: за прекрасным фасадом – действительно, прекрасный дом.

Ей хотелось придумывать меню своих семейных ужинов, но она придумывает истории других людей. Потому что семьи у нее нет. Сказка, которую она себе намечтала, никак не желала сбываться. И ветер странствий гнал ее по свету в поисках новых историй, новых людей и новых приключений. Так заполнялась пустота, так в жизни был смысл, было удовольствие и удовлетворение. И иногда ей казалось, что она одна потому, что она создана быть одиночкой. Именно так она исполняет свое предназначение. Но, может быть, история ее жизни развивалась бы по-другому сценарию, если бы тогда в один из первых весенних дней она бы не встретила Алешу.

Я долго выбирала наряд и злилась на себя и всех женщин: почему для нас это так важно? Быть красивыми. Зачем непременно нужно понравиться? Быть желанной? Мужчинам вот все равно. Этот юный Алеша может и не заметить моих аккуратненьких ноготков, покрытых элегантным бежевым лаком, макияжа, прически, а на создание всего этого у меня ушло пять часов. И наряд может не заметить, если не надеть чего-то совсем уж вызывающего.

В итоге надела расклешенную юбку в клетку, белую шелковую блузу и галстук – бабочку. Мне показалось, что так я выгляжу достаточно богемно. К тому так меня никак нельзя было заподозрить, что на встречу с Лешей меня привел вовсе не профессиональный интерес, а желания эротического свойства.

Я пришла первой – его в кафе еще не было. Зато было тепло. Слабое утешение, но так приятно было хотя бы согреться после прогулки по холодной и ветреной мартовской улице. Присела за столик. Заказала чаю. Почему же он не идет? Негодный мальчишка! Это ведь ему от меня нужна протекция. А мне от него как будто ничего не нужно. Ну разве что жить вместе долго и счастливо пока смерть не разлучит нас. И троих детишек. Но он-то ничего не знает о моих желаниях. Они ведь тайные, мои желания. Я даже себе не готова в них признаться.

Официантка приносит чай. Отхлебываю, обжигая губы – чай совсем горячий. Как тягостно это ожидание. Вдруг ресторанный гвалт дробится на части, и я начинаю слышать каждый звук по отдельности. Вот кто-то со страшным скрежетом отодвинул тяжелый деревянный стул. Повар на кухне громыхнул сковородкой или кастрюлей. Бармен налил что-то в бокал. Мужчина за соседним столиком отчитывает молоденькую официантку: я просил ризотто с белыми грибами? А вы мне что принесли? Ваша рассеянность непозволительна! Женский кокетливый смех в дальнем углу зала... И часы на стене: тик-так, тик-так, тик-

так. Как медленно тянется время ожидания. Как мучительно. И как унижительно это ожидание.

Вот сейчас допью чай, расплачусь и уйду, пожалуй. Надеюсь, у меня получится быстро забыть этого безответственного легкомысленного мальчишку. Наверняка, он ведь еще и самолюбленный – он не может не знать цены своего обаяния и красоты. Думает, что может заставлять женщину ждать. Конечно, за ним ведь, наверное, толпы девочек бегают.

Тогда мне впервые захотелось написать что-то не относящееся к области журналистики, а скорее что-то из литературной сферы. Может быть, даже стихи. Захотелось описать все звуки, которые несколько минут назад вдруг будто бы вырвались из нескладного ресторанного оркестра и зазвучали соло. Захотелось написать о тягостности своего ожидания и сладости предчувствий: мне казалось, что скоро-скоро и со мной случится что-то особенное. И о своем наслаждении этим смутным предчувствием. Я достала блокнот, но написать ничего не успела.

Он ворвался в кафе: стремительный, юный, красивый, румяный с мороза. В руке у него была рыжая гербера. Очень хорош! Я ему сразу все простила – и пятнадцать минут своего ожидания и всех его возможных поклонниц. Сейчас-то он пришел ко мне. Жаль, что не на свидание, а всего лишь по делу. Он протянул мне цветок.

– Извини, – сказал он без тени раскаяния. – Неожиданно работа подвернулась. Не мог отказаться – у меня каждая копейка на счету, на новую камеру коплю. Я ведь еще и фотограф. Двум знакомым срочно захотелось фотосессию, пришлось пойти.

– Разбрасываешься? – усмехаюсь снисходительно. – Не можешь сосредоточиться на чем-то одном?

– Я не разбрасываюсь, а ищу себя, – ответил он неожиданно серьезно. – И тебе бы не помешало, а то так и будешь до старости с блокнотом бегать и записывать за другими. Ты же говорила, что тебе это не очень-то нравится.

– Боже, какой мудрый мальчик! Какое глубокое знание жизни! – я разозлилась. К сожалению, он был прав.

– Тебе не идет быть язвительной, – отозвался он, пошарил в своем огромном рюкзаке, достал голубую папочку и протянул ее мне.

Там были вырезки его статей. Ну, надо же, какой тщеславный мальчиш! Какое уважение к своему творчеству! Я вот не храню своих статей. К чему это? Они хороши только сегодня, а завтра уже никому не нужны. Кому придет в голову перечитывать вчерашние газеты? И в этом состоит смысл моей работы: вкладывать свою душу в то, что актуально только сегодня, ни на какое будущее рассчитывать не приходится. Моим коллегам нравится их работа. Они преисполнены чувством собственной значимости. Я им завидую. Потому что меня переполняет чувство полной бессмысленности моей деятельности. И безысходности – я ведь умею только писать. Ничего больше. Утешаю себя тем, что я одна из легиона современных Несторов. Мы все вместе пишем историю.

Смотрю на Алешу – очень красив. Так хочется его поцеловать. Опускаю голову – начинаю читать. Что ж, определенный стиль у него есть. Штампы встречаются. Впрочем, не слишком часто. Есть и весьма затейливые обороты. Но в каждой строчке сквозит наивное мальчишеское всезнайство и какая-то покровительственная снисходительность. Какой же он еще ребенок! Я и сама была такой еще совсем недавно. Но от чего-то слишком быстро повзрослела. Улыбаюсь.

– Ну как? – спрашивает Алеша.

Поднимаю голову – он елозит на стуле, взгляд тревожный.

– Неплохо, – отвечаю, – но я должна прочесть еще хотя бы пару заметок, чтобы составить четкое представление о твоём слоге. – На самом деле, я уже все поняла, но мне хотелось

его потомить. Как-то нужно бороться с этой его непомерной самоуверенностью. А, может, наоборот, ей нужно поучиться. Мне ее явно не хватает – иду путем сомнений.

– Пиццу будешь? – киваю. – А пиво?

– И пиво.

Снова принимаюсь за чтение. Пожалуй, из него получится телеведущий: внешность, голос, харизма и тексты для себя сможет писать сам. Пожалуй, будет не стыдно замолвить за него словечко на телевидении.

Нам принесли пиццу и пиво.

– Хорошо, я позвоню завтра своему приятелю с телевидения и договорюсь о встрече. – Резюмирую я.

Что за нелепая ситуация, почему я сейчас выступаю в роли какой-то покровительницы? Я хочу быть женищиной, хочу быть слабой, хочу, чтобы этот мужчина, сидящий напротив, за мной ухаживал. И если он предложит разделить счет, мне, видимо, придется застрелиться. Потому что тогда я потеряю уважение и к себе, и к нему.

– Спасибо! Спасибо! – заверещал он.

– Пока не за что. – Отрезала я. – Давай свою пиццу, очень есть хочется.

Стреляться мне не пришлось – он заплатил за меня.

Мы шли по улице. Дул северный ветер. Он кружил мою длинную клетчатую юбку, бесстыдно заглядывал под нее. Я дрожала от холода.

– Ты совсем замерзла, – сказал Алеша, – и робко обнял меня за талию и прижал к себе. – Так лучше?

– Так значительно лучше. – Я рассмеялась.

Пошел снег. Мы прибавили шагу.

– Вот мой дом, – сказала я, когда мы подошли к моему подъезду. – Спасибо за прекрасный вечер.

– Это тебе спасибо, – отвечает он. Молчит, смотрит мне в глаза, покусывает губу, будто хочет сказать что-то еще, но не может решиться. – Я...я... Ладно, я скажу. Я слегка пьян и отчаянно смел, – он усмехнулся. – Я придумал всю эту историю с телевидением, потому что не знал, как тебя снова увидеть. Ты... – Он заглянул мне в глаза. В его глазах отражался свет фонаря, а на лице таяли снежинки. – Ты мне очень нравишься.

– Так я могу не звонить своему приятелю?

– Почему же? Звони. Глупо упускать такой шанс. – Он рассмеялся. – Но то, что я тебе сказал – правда. Пойдем завтра в кино?

– Я подумаю, – ответила я надменно, но сама чуть не взорвалась от радости. О таком повороте событий я даже мечтать не могла. – Мне пора. Спокойной ночи.

Он смотрит на меня, будто ожидает чего-то. А я разворачиваюсь и ухожу. Прежде чем за мной захлопнулась дверь, я услышала разочарованный вздох Алеши.

Я ему нравлюсь. Я ему нравлюсь! Кажется, я так и заснула с глупой счастливой улыбкой на лице.

Царствие небесное. Сектор досудебного ожидания.

На следующее утро после похорон в Алешину дверь постучали. Стучали настойчиво и громко. Алеша проснулся, открыл глаза, несколько минут не мог понять, где он находится. Что за красивая белая комната? Почему за открытыми огромными окнами шумит океан? Ах, да, он умер и теперь находится в месте, похожем на рай. Вот уже который день он не может привыкнуть к тому, что умер. Кто это там стучит? Он вскочил с постели и как был в одних трусах, кинулся вниз.

За дверью стояли два господина в похожих серых костюмах, голубых сорочках и синих галстуках. Одного из них Алеша узнал – толстяк, который присутствовал на его похоронах.

Помощник адвоката, вспомнил он. Второй – высокий широкоплечий мужчина лет тридцати пяти. Его черные волосы с редкими прожилками седины тщательно прилизаны каким-то гелем. Глаза пронзительно синие. Наверное, именно поэтому он и носит синие галстуки – они подчеркивают цвет его глаз, – подумал Алеша. А тот второй, наверняка, ему просто подражает. У него-то глазки цвета неопределенного, да и не видно их почти за валунами жира. Оба господина тоже смотрели на Алешу с интересом и явным неодобрением. Высокий даже брезгливо поморщился, глядя на Алешины трусы. Нормальные трусы, подумал Алеша, ничего особенного, всего лишь позы из Кама сутры нарисованы. Они же мужчины, и должны понимать. Он все же смутился.

– Прощу прощения, – побормотал он и спешно наколдовал себе шорты с пальмами и белую майку. Это первое, что пришло ему в голову.

– Вот так-то лучше, – заявил длинный неожиданно высоким голосом. Это разом перечеркнуло весь его мужественный образ. – Можно войти?

– Входите, – ответил Алеша и отступил на несколько шагов вглубь своей гостиной, освобождая проход. – Присаживайтесь, – он указал рукой на белый кожаный диван, а сам плюхнулся в белое кресло.

Толстяк развалился на диване, закинул ногу на ногу, ослабил узел галстука и расстегнул верхнюю пуговицу сорочки.

– Ну и жарища в вас тут, – гаркнул он. Его голос вполне мог бы принадлежать какому-нибудь пехотному генералу. Алеша вздрогнул. Ему захотелось вскочить, вытянуться в струнку и резко сменить жару на холод. – Обязательно нужно было в тропиках селиться? – Он утер пот со лба носовым платком, на котором неумелыми стежками была вышита ромашка. Алеша посмотрел на платок с изумлением. Толстяк перехватил его взгляд и рявкнул, – подарок дочери! – Потом добавил мягче. – Воссоздал по памяти. Дочь уже старушка, но пока жива, а я-то помню ее семилетней девочкой. В первый класс ходила, когда я умер. – Тем же платком толстяк утер слезинку, выскользнувшую из складок жира там, где у него были глаза.

– Что за непростительная сентиментальность, Семен Аркадьевич? – пропищал длинный и посмотрел на толстяка гневно. Тот вжался в диван и будто бы стал меньше. – Позвольте представиться, – обратился он уже к Алеше, – Иван Петрович, ваш адвокат. А это мой помощник Семен Аркадьевич. Мы, соответственно, призваны защищать вас в суде. – Семен Аркадьевич отчего-то хохотнул. Иван Петрович строго на него посмотрел. Тот закашлялся. – Вы, коллега находите суд смешным или нашу работу в суде?

– Нет, – рявкнул Семен Аркадьевич. – Так, вспомнилось. Смешной случай. Помните, мы маньяка и душегуба одного защищали?

– И что же в этом смешного? Позвольте спросить?

– Да неужели не помните? Мы строили защиту на том, что душегуб то наш, когда душегубом еще не был, а был отличником и пионером, бабушку по доброте душевной через дорогу перевел, а она возьми, да и садани его клюкой по голове ни с того, ни с сего. Чокнутая была старушенция. А у пионера нашего сотрясение головного мозга и психическая травма на всю жизнь. Вы тогда сумели доказать, что он девушек в юном возрасте душил, чтобы они через много лет такими вот зловредными старушками не стали. Он их спасал.

Иван Петрович довольно улыбнулся.

– Да, хорошее было дело. В высшей степени любопытное. Чего не скажешь о вашем случае. – Он обратился к Алеше. – Вроде, и не убивал никого, а дрянь, человечиска был.

– Это еще почему? – возмутился Алеша.

– Мелковато жили. Серенько. Ни злодейств, ни геройств не совершали. Так все... Средней тяжести эгоизм, зависть да легкомыслие. А это даже не запоминается.

– Ну, знаете! – Алеша даже вскочил. – Нормальную я жизнь прожил! Не хуже и не лучше других.

– То-то и оно, что прожили вы жизнь самую обыкновенную, заурядную.

– Ой, ли? – вмешался Семен Аркадьевич. – Этот красавчик, когда еще в детском саду на горшке сидел, начал женские сердца то разбивать. Вот Олюшке с соседнего горшка он сильно нравился, а ему Ленушка нравилась. Он ее с таким упоением желтым пластмассовым кубиком по белобрысой головушке дубасил. А потом он Ленушку бросил, начал Людушку поколачивать игрушечной машинкой, отобранной у Серенюжки. А девки-то страдали. Сколько их таких страдалиц по земле-то сейчас ходит. Помнишь ли всех-то?

Алеша отрицательно покачал головой и улыбнулся: очень уж все эти Олюшки и Людушки смешно звучали в исполнении толстяка. Голос его был создан для того, чтобы приказы отдавать, а не повествовать о Ленушках. Станный подбор лексики у этого человека. И чувство юмора весьма своеобразное. Алеше он почему-то нравился, хоть и говорил про него не слишком-то приятные вещи. И напоминал скорее обвинителя, чем защитника.

– А мы вот все помним. – Вкрадчиво произнес Иван Петрович, – у нас все-все записано. – В тоже мгновение в гостиной появилось множество картонных коробок, таких, как если бы в них были женские сапоги с высокими голенищами. – Посчитайте, сколько здесь коробочек, Алексей Сергеевич.

Алеша послушно принялся считать, беззвучно шевеля шубами и тыкая в коробки пальцами.

– Двадцать восемь, – сказал он, когда закончил.

– А годочков вам сколько? – спросил Иван Петрович и хитро прищурился.

– Двадцать восемь. – Ответил Алеша.

– Таким образом, в каждой коробке год вашей жизни. – Иван Петрович открыл ближайшую коробку. – Вот, двадцать второй год вашей жизни. Ваш ангел-хранитель, в чьи обязанности входило не только оберегать вас, но и тщательно протоколировать все события вашей жизни, особым литературным даром не отличается, зато аккуратен и педантичен. Ночей не спал, каждый ваш шаг записывал, каждое слово и даже мысли. У него тут все по дням разобрано. Вот, вытаскиваю наугад. Пятнадцатое марта.

Иван Петрович принялся читать вслух. Его высокий голос звучал неприятно. Алеша украдкой морщился.

"19.00 объект прибыл в кафе "СССР" на свидание с женщиной по имени Алина. Это уже его третье свидание с этой женщиной. Объект не испытывает к ней серьезных чувств, но хочет секса с ней. Он находит ее привлекательной. Он надеется, что сегодня это произойдет. Объект злится, что этого не произошло уже на втором свидании. К тому же он рассчитывает, что эта женщина по имени Алина поможет ему с карьерой."

– Это неправда! – закричал Алеша. – Я в нее на самом деле был влюблен! Это же просто слова! Они не передают моих чувств. Может быть, все так и было, но все было не так! Все было не так! Почему ваш ангел не написал, как я волновался, как я боялся, что она мне откажет. Почему ваш ангел не написал, как сильно я ее хотел. Да, я не думал тогда о будущем, но я хотел ее очень сильно. Может быть, свое желание я принимал за влюбленность, но ведь все это было искренне! Почему ваш ангел не написал об этом?

– Это был ваш ангел, а не наш, – гаркнул Семен Аркадьевич и расхохотался. Его смех был похож на грохот товарного поезда. – Он хочет, чтобы АНГЕЛ расписывал его порочные сексуальные желания. Ха-ха-ха!

– В самом деле, смешно, – сказал Иван Петрович и сдержанно улыбнулся. – У вас есть чего-нибудь выпить. Жарковато тут у вас. – Он снял пиджак и галстук.

Алеша заглянул в холодильник. Там обнаружился лимонад в обыкновенной пластиковой бутылке – наверное, бабушка заготовила, поскольку сам Алеша этого не делал. Он разлил лимонад в бокалы и отнес гостям. В руках у толстяка он заметил блокнот и ручку.

– Нус, приступим к дознанию? – рявкнул Семен Аркадьевич и расхохотался.

Город на Волге. Улица.

На пятый день после похорон Алина вдруг перестала скорбеть. Это было для нее неожиданно, удивительно и стыдно. Как же так? Любимый человек умер, а она отчего-то думает о том, что молода, что ее-то жизнь не закончилась, что жизнь продолжается, и ей до безумия хочется заботы. Даже не любви. Потому что давно уже Алина женщиной себя не чувствовала. Ее это всегда поражало: как просто быть человеком и как сложно быть женщиной. Чтобы быть настоящей женщиной нужно слишком много, причем такого, что от самой женщины и не зависит. Ей нужно быть желанной. От кого это зависит? От мужчины. Захочет он или нет. Ей нужно быть любимой. От кого это зависит? От мужчины. Полюбит он или нет. Ей нужен ребенок. Опять нужен мужчина. И даже, чтобы чувствовать себя красивой, нужны мужчины. Получается, абсолютно зависимое существо. Точно сотворенное из ребра существа более сильного. Только вот жила она несколько лет, не будучи желанной, не будучи любимой, без детей. И жила. И не без удовольствия. Значит, не так уж и зависима. Но последние несколько дней ее терзали желания, которых она себе не позволяла довольно давно. Ей хотелось быть слабой, беззащитной, любимой, желанной и зависимой.

Погода вдруг наладилась. Наступала весна. Стояли те самые, ненадежные и мало предсказуемые дни начала марта. Светило солнце. С карнизов домов свисали огромные сосульки. Опасные зоны были огорожены красными лентами, а на стенах пестрели предупреждения: «осторожно, сосульки».

Алина шла по улице. Она знала, за что ненавидит город, в котором почему-то живет. Здесь негде гулять. У него нет истории. Нет домов с привидениями, нет лобного места, нет кремля или крепости, нет аркад торговых рядов, нет купеческих особнячков и старинного здания вокзала, нет архитектурных шедевров, нет архитектурных уродов. Нет даже мелких домишек частного сектора, пронизанных и конформизмом, и нонконформизмом одновременно. А современные усадьбы, по слухам где-то есть, и даже известно где, но за пределами ежедневных Алининых перемещений. Лишь типовые, бездушные дома: от панельных до элитных коробок. Летом бывают еще изощренные клумбы, и фонтаны на большой воде, взрезающие радугой брызг небо. Но сейчас были только коробки, скелеты деревьев, да серый обреченный снег. Ему суждено растаять, но не скоро, лишь месяца через полтора. И это еще в лучшем случае – если погода проявит особое милосердие.

Алина шла по серой улице своего города, немного расцвеченной голубым небом и озвученной капелью, исчерченной голыми беззащитными ветвями деревьев и вспоминала Стамбул, город, где ей иногда удавалось бывать счастливой.

И она вспомнила район, название которого забыла. И он был сплошной, хоть и живописный, но базар. И она вспомнила, как шаталась по нему, и была раздражена и зла, потому что базаров она не любит, и как не могла из него выбраться: был он бесконечен и запутан, как лабиринт. И как устала. И как ноги ее болели нестерпимо. И единственное, чего ей хотелось – это сесть и снять ботинки. И пошевелить пальцами ног.

И вот она присела в каком-то ресторанчике среди рыбных рядов – больше идти не могла. И ее мутило от запаха рыбы и от голода. Она была оглушена уличным гомоном, криками продавцов и зазывал. И в глазах рябило от базарной пестроты. И бесили желтые пятна на белой скатерти. И есть в этом грязноватом ресторане среди рыбных рядов совсем не хотелось, но очень уж хотелось есть.

И она сняла ботинки и пошевелила пальцами ног. И в этот самый миг ее пронзило ощущение счастья. Оказывается, не так уж много нужно для счастья. Иногда, просто освободить от обуви усталые ноги. И мир вокруг вдруг начал меняться. Рыба отчего-то перестала пахнуть и зажглась серебряным светом. Рыночный шум вдруг зазвучал оркестром, исполняющим гимн бытию. А пятна на скатерти сложились в абстрактное полотно, написанное неизвестным посе-

тителем ресторана. И она попросила печального официанта принести ей пива и жареную рыбу. И пока ждала она свое пиво и свою рыбу, ей вдруг захотелось запечатлеть этот миг. Он ведь не повторится никогда. Никогда. Никогда. Никогда. И она нашарила в своем рюкзаке ручку и не нашла в нем блокнота. И схватила салфетку и написала на ней...

Так чудесно умирать от любви в Стамбуле. Гораздо приятнее, чем в городе, где нет архитектуры и небо расчерчено воронами и нагими ветвями берез...

И дальше она написала про цвет, запах и звуки базара. И про то, что она влюблена. И влюбленность эта взаимная. И про то, что она скучает по своему возлюбленному, который сейчас так далеко от нее. И про то, что расставания даны нам для того, чтобы научиться радоваться встречам. Тогда, посреди шумного базара в грязноватом ресторане Алина поняла, что она писатель. А сейчас она вдруг поняла, что о взаимной влюбленности писать решительно нечего. Кроме того, что она взаимная. И рассказывать можно лишь о том, что было до того, как стало понятно, что любовь взаимная и о том, что бывает после того, как любовь перестает быть взаимной.

Она до сих пор помнит тот день. Это было 15 марта. Дату она, конечно, не запомнила бы, если бы, не записала тогда в блокноте: «15 марта. Первый поцелуй». Сколько первых поцелуев она не помнит. Сколько первых поцелуев оказались последними. Да, вот так, первыми и последними. Цена им – копейка. Тьфу на них – и помнить не стоит. А тот первый поцелуй с Алешей настоящее сокровище. Хранится он в хрустальной шкатулке памяти Алины, как самая большая драгоценность. Реликвия. Дорогое украшение ее одинокой жизни. Может быть, пора достать его из шкатулки и показать людям?

И вот съедена пицца, и пиво выпито. И вот мы идем по улице. И ветер снова играет с моей юбкой. И мне холодно. Как хорошо, что холодно! Это такой прекрасный повод для объятий. Он обнимает меня. И мне хочется, чтобы это длилось вечно. Но вечно это длиться не может – на нас неотвратимо надвигается дом, в котором я живу. Конец пути.

– Пришли, – шепчет он и убирает руку с моей талии.

– Пришли, – отзываюсь я.

– Спасибо за вечер.

– Тебе спасибо.

Смотрю в его детские глаза. Читаю в них ожидание. Я же не могу сама. Как он этого не понимает? Неужели он так и не решится? Неужели я сейчас просто развернусь и уйду. Чего ты ждешь, малыш? Ну, же!

– Холодно, – говорю и ежусь. – Ну, я пойду?

– Холодно. Да, иди.

Снова смотрю в его глаза. Мне чудится в его глазах нежность. Наверное, я ошибаюсь. В них лишь безразличие. Почему так легко первой поцеловать мужчину, к которому испытываешь лишь мимолетное желание? Почему так сложно сделать первый шаг, если ты влюблена? Последствия. Все дело в них. А что он обо мне подумает? А вдруг он испугается? А вдруг я покажусь ему слишком доступной? А вдруг все закончится, так и не успев начаться? А мне хочется, чтобы началось. Такими могут быть последствия.

– Ну, пока! – говорю я бодро, разворачиваюсь, взбегаю по ступеням крыльца, открываю дверь и скрываюсь в подъезде.

Боже! Мы ведь даже не договорились о следующей встрече! Почему все так глупо! Почему он меня даже не поцеловал? Я ему не нужна! Почему он мне нужен, а я ему нет?

Захожу в лифт. И вдруг чудо! Он врывается в лифт, целует меня. У него шершавые обветренные губы. Мои такие же. Его губы царапают мои губы. Мои губы царапают его губы. Как я об этом мечтала!

Он отрывается от меня.

– Вот, теперь пока! До завтра! – говорит он, выходит из лифта и двери за ним закрываются.

До завтра! До завтра! До завтра!

Царствие небесное. Сектор досудебного ожидания.

Волны хороши. Пенные потоки почти докатываются до дома. Борис сидит на террасе и смотрит на море. Тоска. Вот они волны, рукой подать, но не достать. Нельзя. За что ему эта пытка? Каждый день приходиться в этот дом? Каждый день подвергаться искушению? А может быть, позволить себе быть смелым и решительным? Быть таким, какой он был в земной жизни. Наплевать на все запреты, встать на доску и будь что будет! Стоят ли несколько мгновений наслаждения вечности в секторе искупления? Умереть еще раз не страшно за эти несколько мгновений полета. Но вот вечность неизвестности – это сильный аргумент. Поэтому Борис сидит смиренно на террасе и с тоской смотрит на море. А тут еще Алеша со своими вопросами.

– Борис, а как там все будет? На суде?

– Вы будете без наручников, – усмехается Борис, – потому что сбежать у вас все равно не получится.

– Вы можете хоть иногда обходиться без сарказма? – в голосе Алеши злоба с оттенком паники.

– Могу, но не хочу, – отвечает Борис. Он сам не понимает, что это на него нашло. Подобного рода поведение противоречит служебным инструкциям. Он должен отвечать на вопросы своих подопечных с максимальной объективностью и корректностью.

– А если я кому-нибудь на вас пожалуюсь?

– Попробуйте. Вы знаете, как и кому? Ах, да! У вас же есть адвокаты и бабушка! – Борис снова усмехнулся. – Жалуйтесь! Жалуйтесь на здоровье! Впрочем, в этом нет необходимости. Все мои действия и так контролируются. И, поверьте мне, начальство не погладит меня по головке за мой сарказм. А вы еще и ябедник? – Борис внимательно посмотрел на собеседника. – Ваш судья не очень-то жалуется эту черту характера в людях. Это не очень благородно с его точки зрения. Он, видите ли, погиб из-за доноса. Был расстрелян. Так что вы поаккуратнее с этим делом. – Борис вдруг смягчился. И что это он, в самом деле, нападает на растерянного и испуганного мальчишку? – Что говорят адвокаты? – в голосе его зазвучала забота. – Каковы ваши перспективы?

Алеша обреченно махнул рукой.

– Я им не нравлюсь, так же, как и вам. Для них какой-то маньяк-убийца лучше, чем я.

– Это еще почему? – удивился Борис.

– Потому что защищать маньяка им интересно, а я слишком обыкновенный. Не злодей, не праведник. Так, ни рыба, ни мясо. Скучно им со мной. Не интересно. И что мне делать?

– Ждать, – отозвался Борис.

– А чего ждать-то? – взвыл Алеша. – Чего ждать? Сидеть, сложа руки, и ждать пока кто-то решит мою участь? От меня что, вообще ничего не зависит?

– Все от вас зависящее, вы совершили при жизни. И теперь воздастся вам по делам вашим.

– Умеете вы поддержать человека в беде, – проворчал Алеша. – Как-то сразу спокойно стало на душе после ваших слов, хоть вешайся.

– Пробовали некоторые, – Борис рассмеялся, – не получается. Вроде и петля на шее затянулась, и лицо синее, и язык вывалился, а через минуту раз, и человек снова целехонький. Жив, здоров. А еще через две минуты к тебе являются сотрудники Департамента контроля и судья, он тут же выносит тебе новый приговор, более жесткий, разумеется. Из смерти есть

только один выход – снова в жизнь, но его нужно заслужить. – Борис вздохнул. Ему до этого еще очень далеко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.